

**Археологическое
наследие
Югры**

ПРАВИТЕЛЬСТВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЮГРЫ

Екатеринбург — Ханты-Мансийск

2006

УДК 902 (5711)
0.69+0.69(4)+069(6)
ББК 63.4 (253.3)

Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: «Чароид», 2006. — 152 с., цв. илл. 64 с.

ISBN 5-94166-072-3

Доклад, подготовленный для пленарного совещания II Северного археологического конгресса, включает материалы археологических исследований на территории таежного Обь-Иртышья с древности до наших дней. Ведущие российские археологи рассказывают об итогах многолетних научных изысканий на севере Западной Сибири и проблемах современного состояния науки. Специалисты по охране и использованию историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа повествуют о новых формах и методах работы, определяют специфику, перспективы, основные направления развития археологии в регионе. Представители окружной администрации и муниципальных учреждений совместно с учеными вырабатывают новую стратегию сохранения и использования археологического потенциала Югры.

Книга предназначена для широкого круга читателей: археологов, антропологов, этнографов, историков и всех интересующихся древней историей Урала и Сибири.

Ответственные редакторы:
В. И. Стефанов, Е. В. Перевалова

**Северный археологический конгресс проводится на средства
Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры**

Финансовая поддержка:
Российский фонд фундаментальных исследований

Спонсоры:

ООО «ЛУКОЙЛ–Западная Сибирь»
(ген. директор — Николай Владимирович Инюшин)

НК «Салым Петролиум Девелопмент Н.В.»
(ген. директор — Дейл Роллинз)

© Коллектив авторов, 2006
© Департамент культуры и искусств
Ханты-Мансийского
автономного округа — Югры, 2006

ISBN 5-94166-072-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	4
Каменный век на территории Северо-Западной Сибири (по материалам исследований палеолита и мезолита). <i>А. А. Погодин</i>	5
Неолит таежной зоны Западной Сибири. <i>Л. Л. Косинская</i>	16
Север Западной Сибири в эпоху раннего металла. <i>С. Ф. Кокшаров</i>	41
Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований. <i>В. А. Борзунов, Ю. П. Чемякин</i>	68
Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири. <i>А. П. Зыков</i>	109
Археология нового времени севера Западной Сибири. <i>К. Г. Карачаров</i>	125
Археологическое наследие Югры в социокультурном процессе. <i>А. В. Малышкин, А. В. Кениг, М. Ю. Селянина, Н. В. Шатунов, Г. П. Визгалов</i>	132
Сокращения	150

В. А. БОРЗУНОВ, Ю. П. ЧЕМЯКИН
Уральский государственный университет

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ТАЕЖНОГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Основные характеристики раннего железного века. В I тыс. до н.э. большая часть обществ Евразии вступает в эпоху железа. Вместе с тем, революционно-преобразующая роль нового металла, в силу неравномерности развития человечества в разных точках планеты, проявляется не везде и не сразу. Механизмы этой инновации различны: дарение первых престижных железных изделий, переселение носителей нового металла на другие территории, спорадические и регулярные обменные операции, заимствование технологии производства железа контактирующими коллективами, независимое открытие железной металлургии и т.д. [Монгайт 1974: 130–138 и сл.; Граков 1977: 16–22; Мартынов 1982: 116–168 и сл.; История Древнего Востока 1988: 125, 457–458; История Европы 1988: 229, 232–234, 373–375; Борзунов, Викторова, Корякова 1998: 199]. Для лесных территорий Урало-Западносибирского региона первыми поставщиками железа выступали кочевники евразийских степей — савроматы, скифы, саки, а также сопредельные с ними лесостепные общества.

На Урале и в Западной Сибири железо впервые появляется и производится в Волго-Камье (около VIII–VI вв. до н.э.), затем в Зауралье и на Алтае (в V–IV вв. до н.э.). В западносибирской лесостепи самые ранние железные предметы найдены на поселениях и в погребальных комплексах IV в. до н.э. Не ранее

этого времени датируется железное кольцо, обнаруженное на городище Ямсыса VII в южно-таежном Прииртышье. В Томско-Нарымском Приобье первые изделия из железа выявлены в комплексах, предварительно датированных V–III вв. до н.э., однако, точное время начала производства черного металла не установлено. В северных областях Урала и Западной Сибири, включая Сургутское и Нижнее Приобье, изделия из нового металла (в основном оружие) фиксируются не ранее конца третьей четверти I тыс. до н.э. В целом в южной части Западной Сибири железо начинает вытеснять бронзу только в III–II вв. до н.э., на севере региона — с рубежа эр [Чиндина 1984: 141–142; Труфанов 1987: 129; Корякова 1988: 153–154; Бельтикова, Борзунов 1989: 92–93; Степная полоса... 1992: 221–222, 288–289, 302–304; Кузьминых 1993: 120; Бельтикова 1993: 101–102; 2005: 181–186; Данченко 1996: 38; Зиняков 1997: 150; Чемякин, Карачаров 1999: 37, 39].

Начало эпохи железа принято именовать ранним железным веком и подразделять на два периода. В Западной Европе ранний период называется гальштадским (900–500 гг. до н.э.), поздний — латенским (500 г. до н.э. — начало н.э.) [Монгайт 1974: 132]. Для Восточной Европы и сопредельных областей Азии Б. Н. Граков предложил деление раннего железного века на две эпохи: скифскую (IX/VIII–III вв. до н.э.) и сарматскую (II в. до н.э.—IV в. н.э.)

[1977: 9]. По предложению Л. Н. Коряковой, для Западной Сибири оба эти периода могут быть условно названы «ранний железный век I и II» (РЖВ I и II) [1988]. С точки зрения археологической периодизации, построенной на превалировании того или иного материала для производства основных орудий труда в разные эпохи, суть раннего железного века заключается в постепенном вытеснении изделий из цветных металлов и заменой их железными.

Таежные общества Западной Сибири первой половины раннего железного века (РЖВ I) по основному орудийному комплексу соответствуют «позднебронзовым» культурам. Изделий из железа у них не известно. Основные отрасли экономики — традиционные: рыболовство, охота, собирательство. Хотя по остальным характеристикам — «градостроительству», домостроительству, керамическому и другим домашним производствам, отчасти по социальному развитию — северные коллективы вполне сопоставимы с южнотаежными и лесостепными урало-сибирскими обществами переходного времени от бронзового века к железному.

К началу второй четверти I тыс. до н.э. в материальной культуре населения тайги происходят существенные перемены. Внешне это наиболее ярко отражено в керамике. На смену плоскодонным емкостям приходят круглодонные. При этом орнамент покрывает уже не всю поверхность сосуда, как это было в эпоху бронзы, а лишь ее верхнюю часть, редко достигая середины емкости. Судя по обилию обломков тиглей и капель бронзы в жилищах, раскопанных в Среднем и Нижнем Приобье, во второй четверти I тыс. до н.э. происходит «скачок» в развитии цветной металлообработки, совпавший с расцветом металлургических очагов на Урале и Алтае. Отсутствие собственных рудных источников на севере Западной Сибири предполагает интенсификацию торгово-обменных связей с населением южных районов и пушного промыс-

ла как основного источника продукта, предназначенного для обмена на цветной металл. В это же время широко распространяются городища, что отражает, на наш взгляд, изменения в социальной сфере, а также увеличивается количество памятников в целом — свидетельство роста численности населения.

Вместе с тем, на севере Западной Сибири эпоха железа реально начинается только со второй половины раннего железного века (РЖВ II). Именно на это время приходится кардинальная перестройка всех сторон жизнедеятельности первобытных коллективов тайги — их хозяйства, домостроительства, духовной культуры, форм этнокультурных объединений и т.д. Новый период отмечен подъемом присваивающей экономики, появлением ее специализированных отраслей (пушная охота), распространением святилищ и грунтовых захоронений, железного вооружения, новых типов керамики, а главное — формированием кулайской культурно-исторической общности (КИО), охватывающей практически весь западносибирский Север.

Тогда же фиксируются первые признаки экономической и социальной дифференциации внутри местных обществ, в том числе зарождения военно-потестарной элиты, отделенной от рядовых общинников. В археологических материалах это проявляется в виде пока еще редких погребений с оружием и престижными импортными вещами, резко отличными от могил рядового населения. Об этом же свидетельствует формирующийся комплекс специализированного оружия и доспеха (массивные бронзовые бронбойные наконечники стрел, биметаллические и железные кинжалы, бронзовые и железные чеканы, железные наконечники копий и стрел, топоры-кельты, мечи, костяной панцирь, металлические шлемы), который явно не походит на обычный арсенал охотника (бронзовые и железные ножи, луки и стрелы с костяными наконечниками). В это же время на смену большим об-

цинным городищам белоярского периода с десятками жилищ (Барсова гора I/3, III/19, III/7 и др.) приходят миниатюрные, сильно укрепленные кулайские «городки». Последние окружены оборонительными стенами, иногда двухрядными, с бастионными выступами и укрепленными входами, а также глубокими рвами (Барсов городок I/4, I/5, I/20 и др.). Такие крепости вмещали от двух до четырех построек, а иногда вообще одну (Моховая 20, 25; Барсов городок III/3). В них могла проживать только небольшая часть населения общины, по-видимому, социально выделенная. Остальные (рядовые) общинники обитали в обширных и малых селищах, расположенных вокруг городков и поодаль от них. Все указывает на то, что именно в это время оформляется принцип раздельного проживания различных социальных групп [Борзунов 1997: 234–235; 1999: 21; Борзунов, Стефанова 2001: 104], известный по средневековым былинам обских утров [см. Патканов 1891; 1891a]. Формирование таких групп, а также появление малых кулайских городищ и однодворных селищ-зимников (Барсова гора IV/13) было связано с естественным процессом выделения в рамках общины экономически относительно самостоятельных коллективов — больших семей или малых общин [Борзунов, Стефанова 2001: 96–99, 104]. Проявлениями воинского культа, помимо святилищ и погребений с оружием, можно считать бронзовые антропоморфные фигурки и личины, увенчанные островерхими шлемами, «коронами» или лучами. Эти предметы найдены в ряде мест Среднего Приобья, в том числе на горе Кулайке, Парабельском культовом месте, Барсовой Горе.

В качестве примеров элитного и рядового захоронений можно привести опубликованные материалы Барсовского III могильника [Борзунов, Зыков 2002; 2003; Глушкова 2002]. В 1986 г. В. А. Борзунов и А. П. Зыков обнаружили во рву заброшенного белоярского горо-

дища Барсов городок I/3 два кулайских погребения, ориентировочно датированных I–II вв. н.э. Одно из них выделялось исключительно богатым набором вещей, принадлежавших мальчику в возрасте около 6 лет с монголоидными чертами лица (определение томского антрополога В. А. Дремова). По-видимому, это был родственник (сын?) местного вождя-«богатыря». Умерший был одет в нижнюю тканую шерстяную и верхнюю меховую одежду, на голове — меховой убор (анализ Т. Н. Глушковой). Его одежда и обувь были расшиты многочисленными греческими стеклянными бусами с внутренней позолотой; к вороту «рубашки» пришита дуговидная раскованная серебряная пластина. Мальчик захоронен с внушительным комплектом вооружения (железные топор-кельт и кинжал, биметаллический кинжал, две стрелы с массивными бронзовыми трехлопастными наконечниками), украшений (ожерелья из греческих сердоликовых, стеклянных и, возможно, египетских полихромных стеклянных бус, височные подвески из серебряной проволоки, круглое кованое среднеазиатское зеркало с резной шестилепестковой розеткой в двойном круге, фрагмент еще одного зеркала с циркульным орнаментом, бронзовые наконечники из распиленных среднеазиатских зеркал, трубка-пронизка, спиралевидный браслет в семь оборотов и прямоугольные пронизки-накладки из пьяноборского Приуралья, два мелкие крестовидные украшения из проволоки, серебряная фольга, пришитая к кусочку бересты и др.), а также культовых предметов (бронзовые полая зооморфная подвеска и две плоские зоо-антропоморфные подвески-бляшки). В той же могиле стоял глиняный горшочек, а рядом с ней — обломки сосуда средних размеров. Всего в погребении найдено более 390 предметов, в том числе 367 бусин. Для сравнения: в расположенном неподалеку погребении с останками взрослого человека, явно рядового общинника, обнаружено только несколько вещей: гли-

няный сосуд, две небольшие окатанные гальки (возможно, грузила от рыболовной сети), бронзовая птицевидная фигурка, осколки бронзового зеркала и обломки двух подвесок из медной витой проволоки на деревянных стержнях. В целом количество материалов из первого погребения Барсовского III могильника превосходит общий объем находок из всех известных кулайских могил таежного Приобья и Прииртышья.

Значительные изменения происходят в системе этнокультурных и экономических контактов, которая сложилась еще в неолите и периодически обновлялась в эпоху бронзы. Лишенные хорошего камня и рудной базы таежные народы Западной Сибири нуждались в высококачественном каменном сырье и цветном металле, которые поступали на север, как уже отмечалось, преимущественно в обмен на пушнину. В эпоху бронзы и начале железного века (РЖВ I) ведущими поставщиками цветного металла, скорее всего, выступали лесостепные коллективы Обь-Иртышья, связанные с Алтаем. Основными «торговыми» коммуникациями являлись реки бассейна Оби. Некоторые косвенные факты (единичные находки в Сургутском Приобье гамаюнской керамики, медных фигурок, сходных с иткульскими птицевидными и антропоморфными древовидными идолами) указывают на то, что в VII—IV вв. до н.э. часть цветного металла теоретически могла поступать в таежное Приобье из лесного Зауралья.

В кулайское время (РЖВ II) в Нижнем и Среднем Приобье появляется масса импортных вещей, произведенных в Волго-Камье, скифосарматском мире, Средней Азии, Китае, Северном Причерноморье, Греции и даже Египте (бронзовые украшения, зеркала, серебряная фольга, биметаллические кинжалы, стеклянные бусы и др.). На наш взгляд, это является следствием включения северных областей Западной Сибири в систему общеевразийской экономики на правах постоянного поставщика «мягкой

рухляди» (вплоть до позднего средневековья) [см. Борзунов, Стефанова 2001: 102; Борзунов 2002: 93]. До кулайского периода основные «торговые» пути западных, южных и восточных цивилизаций простирались, по-видимому, не далее лесостепной зоны Евразии. В частности, наиболее стабильный Великий Волжский путь заканчивался в лесном Приуралье. Во второй половине раннего железного века формируется первый трансконтинентальный торговый путь, связавший Китай через посредство Средней Азии с Кавказом, Причерноморьем, Ближним Востоком и Западной Европой. Северные (пушные) ответвления Великого шелкового пути дошли до Нижнего и Среднего Приобья. Главной причиной этого, по-видимому, было истощение запасов пушнины в лесостепи и южной тайге [Борзунов 2002: 93]. Подчеркнем, что все упомянутые выше контакты между севером и югом Евразии были не прямыми, а многоступенчатыми и опосредованными. Также строились все экономические и культурные связи в лесных и лесостепных обществах Урало-Западносибирского региона.

Напомним, что постоянные торгово-обменные операции благоприятствовали становлению и развитию в лесной зоне Западной Сибири специализированной охоты на пушных животных, а также стимулировали накопление престижных ценностей в руках местной элиты, контролировавшей все сферы жизнедеятельности коллективов, включая охоту, систему обмена и распределения полученных ценностей. Последнее стало предпосылкой для социальной дифференциации внутри первобытных таежных обществ Приобья, причем обществ, не ориентированных на скотоводство и земледелие [Борзунов 1997: 234; 1999: 21; 2002: 93; Борзунов, Стефанова 2001: 102]. Это отличает северных охотников и рыболовов Западной Сибири от населения юга и запада Евразии, у которого первопричиной социального расслоения

было именно развитие производящих отраслей хозяйства.

Определенной трансформации в кулайское (саровское) время подверглись и сами «торговые» пути в западносибирской тайге [см. Борзунов, Стефанова 2001: 105; Борзунов 2002: 93–95]. Судя по спектральному анализу кулайских бронзовых изделий из Сургутского Приобья, часть цветного металла продолжала поступать в тайгу по Оби с Алтая, т.е. с юго-востока [Кузьминых, Чемякин 1998; Чемякин 2005]. По обской магистрали привозили, по-видимому, и некоторые предметы восточного импорта. В то же время начинает активно функционировать западный путь, точнее, несколько коммуникаций, связавших Конду, Нижнее и Сургутское Приобье с Приуральем. Об этом свидетельствуют типичные металлические вещи пьяноборского облика и обломки сосудов со шнуровым декором, найденные в Западной Сибири, а также массивные бронзовые наконечники стрел кулайского типа, обнаруженные на Каме и Печоре. В эпоху средневековья эти торгово-обменные коммуникации трансформировались в известный Камский торговый путь [см. Белаев 2000]. Наконец, во второй половине раннего железного века (РЖВ II) обновляется и третье, южное, направление — система этнокультурных и торгово-обменных коммуникаций, выстроенных в основном по Тоболу и Иртышу. На культурные и торгово-экономические контакты таяжских обществ Западной Сибири с югом, прежде всего, с лесостепным Зауральем и Тоболо-Иртышьем, указывает распространение в западносибирской тайге оригинальных городищ с бастионно-башенными фортификациями. Последние зафиксированы археологами в Обь-Иртышском междуречье (Соровские озера), Сургутском Приобье (Барсова Гора, Сытомино), Нижнем Приобье (Низямы, оз. Товгор-Лор), Томско-Нарымском Приобье (Саровское городище), а также в бассейнах Надыма и Пура (оз. Нумто, р. Кальпяс-

Яха). Предварительно эти объекты датируются второй половиной I тыс. до н.э. — началом I тыс. н.э. Прообразы бастионных крепостей известны у населения гороховской и саргатской культур Притобольшья. Исходные элементы бастионно-башенной оборонной архитектуры были заимствованы лесостепными племенами у саков Приаралья, где такая фортификация была распространена в VII–III вв. до н.э. [Стоянов 1989: 99; Борзунов 1998; 2002], и приспособлены к уже существующим с эпохи бронзы местным формам городищ — круглоплановым, прямоугольным, трапециевидным, треугольным и т.д. [см. Борзунов 2002: 95]. Кроме того, о южном направлении культурно-экономических связей свидетельствуют обломки глиняного горшка, найденные при раскопках одного из кулайских жилищ селища Барсова гора III/36 в окрестностях Сургута. По форме и орнаменту данный сосуд удивительно напоминает саргатскую керамику [Ковригин 2002]. Оживлению связей таяжских обществ с лесостепными во второй половине раннего железного века, помимо прочего, способствовало продвижение кулайских племен на юг, в том числе в Среднее Прииртышье и Верхнее Приобье.

По направлению культурно-экономических связей в рамках обширного и неоднородного в этнокультурном отношении кулайского мира предварительно намечаются два ареала: западный, тяготеющий к Приуралью, Зауралью и Притобольшью (Нижнее и Сургутское Приобье, Конда, Нижнее Прииртышье), и восточный, ориентирующийся преимущественно на юго-восток Западной Сибири (Томско-Нарымское Приобье, Васюганье, правобережье Среднего Прииртышья, ленточные боры Верхнего Приобья, предгорья Алтая). Убедительных данных по этнической специфике данных ареалов у нас пока нет. Однако впоследствии в западных и юго-западных областях Западной Сибири среди аборигенов края этнографы фиксируют

преимущественно угорское население, а в северных и восточных — самодийское.

Характерной чертой конца бронзового — начала железного веков в Западной Сибири были миграции таежного обского населения на запад, юг и юго-восток — на Европейский Северо-Восток, север Волго-Камья, в лесное Зауралье и западносибирскую лесостепь. Выделяются два периода таких миграций, в рамках которых наблюдается несколько отдельных волн. Первый ориентировочно датируется X—VII вв. до н.э., второй — IV/III вв. до н.э. — началом н.э. Период относительной стабильности (VI—IV вв. до н.э.) отмечен проникновением в среднюю и северную тайгу групп южнотаежного населения (калинкинская культура).

Сами переселения по характеру, продолжительности и своим последствиям были различными. Отдельные из них имели, возможно, немирный характер, осуществлялись относительно небольшими группами населения и в короткий промежуток времени. На это косвенно указывает почти одновременное распространение в южной тайге и лесостепи укрепленных поселений, принадлежавших как пришельцам, так и аборигенам. В основном же миграции, скорее всего, растянулись на несколько столетий и выглядели как относительно мирное освоение таежными охотниками и рыбаками более выгодных экологических ниш. Результатом этого стало расширение ареалов северных культур и культурно-исторических общностей, а также формирование синкретических этнокультурных образований, включавших представителей коренного и пришлого населения. В лесостепной зоне Западной Сибири это выразилось в кратковременном усилении роли охотничье-рыболовческого хозяйства в системе местной комплексной экономики, сочетавшей производящие и присваивающие отрасли, а также в формировании гетерогенных гамаюно-иткульских, красноозерских, завьяловских, тургайских и других древ-

ностей. Относительно мирному сосуществованию на одних территориях разноэтнических обществ способствовало различие их хозяйственных укладов: охотничье-рыболовческого у пришельцев и комплексного с доминантой производящих отраслей у аборигенов. Со временем пришлое северное население на всех лесостепных территориях было ассимилировано более прогрессивным местным.

В качестве причин миграций называют несколько факторов, главными из которых считаются глобальное изменение климата, а также резкий скачок в уровне развития производительных сил таежных обществ в начале эпохи железа. То и другое приводило к появлению избыточного населения в приобской тайге, а также к увеличению числа конфликтных ситуаций как внутри общин, так и между ними. При этом в случае с ухудшением климатической обстановки, которая была характерна для начала I тыс. до н.э., перенаселение было относительным, за счет сокращения используемой человеком биомассы. Последнее было вызвано заболачиванием больших пространств Приобья, увеличением количества заморных процессов и, возможно, изменением путей миграций рыб, животных и птиц. В целом конец бронзового века и начало новой эпохи в тайге характеризовались неустойчивым равновесием между темпами прироста населения и минимальным количеством продуктов, получаемых таежными коллективами за счет экстенсивных способов рыболовства и охоты. До этого равновесие поддерживалось естественной регуляцией прироста населения тайги, следствием которого была его относительная стабильность [Косарев 1971; 1974: 37; 1976; Львов 1979: 13—14; Матющенко 1979: 43—44; Борзунов 1987; 1992: 139]. Во втором случае, с интенсификацией присваивающего хозяйства, перенаселение было обусловлено скачком рождаемости. Прирост населения со временем также истощал естественные ресурсы территории,

занимаемой отдельной общиной, и уменьшал количество добытого продукта, приходившегося на одного человека. Выходов из создавшегося положения было два, как правило, реализовывавшихся вместе — резкий подъем экономики и уход части избыточного населения на новые территории. В последнем варианте это мог быть как исход таежного населения на юг, так и освоение глубинных пространств тайги, удаленных от основных водных артерий.

Об увеличении численности населения и подъеме производства в приобской тайге свидетельствует рост количества поселений и их размеров. О конфликтных ситуациях между общинами — новая, третья по счету, волна распространения укрепленных поселений на севере Западной Сибири, датирующаяся X—IV вв. до н.э.¹ Четвертая волна приходится уже на вторую половину раннего железа (РЖВ II) и обусловлена не только очередным переделом приобских территорий, но и социально-экономической дифференциацией внутри самих таежных обществ. В начале эпохи железа в таежной зоне, как и в лесостепи, получают широкое распространение укрепленные поселения (городища), крайне редкие в неолитическую эпоху и период поздней бронзы. В раннем и среднем бронзовом веке здесь преобладали укрепленные жилища [Борзунов 1995; 1997; 1999; 2000] и обычные неукрепленные поселения (селища и стоянки). Динамику увеличения количества поселений и изменения их типов при переходе от бронзового века к железному иллюстрируют материалы наиболее хорошо изученных территорий Сургутского Приобья. В частности, в урочище Барсова Гора под Сургутом на сегодняшний день открыто 28 селищ и

стоянок конца II — начала I тыс. до н.э. Поселений, датирующихся VII—IV вв. до н.э., здесь насчитывается свыше 50, в том числе 17 городищ. В районе д. Сайгатино (27 км к западу от Барсовой Горы) выявлены 10 памятников середины I тыс. до н.э. и только один эпохи бронзы. Сходная ситуация зафиксирована на р. Тромъеган, в окрестностях д. Ермаково, где отмечено еще одно крупное скопление древних селищ и городищ. Большие кусты поселенческих памятников железного века выявлены на Соровских озерах в междуречье Оби и Иртыша, у д. Согом в низовьях Иртыша и других местах.

В миграциях конца бронзового — начала железного веков (X—VII вв. до н.э.) участвовали охотничье-рыболовецкие коллективы из Нижнего Приобья и сопредельных таежных территорий. Об этом свидетельствует появление в Приуралье, Зауралье и на юге Западной Сибири керамики с характерным фигурно-штампованным орнаментом: гребенчато-ямочным, крестовым и волнисто-прокатанным. Оговоримся, что население с посудой, украшенной волнисто-прокатанными узорами (кондинское лозьвинское и зауральское гамаюнское), мигрировало на юг, запад и северо-запад, но не на восток. Притоболье было пограничной территорией, восточнее которой не найдено керамики с таким декором.

Еще одним доказательством переселений таежных коллективов на юг является распространение в лесостепной полосе Западной Сибири жилищ северного типа [Борзунов 2002: 95]. Речь идет о бревенчатых и каркасно-столбовых наземных постройках с неуглубленными или слабо углубленными полами, окруженных в основании завалинкой, насыпанной из грунта, взятого рядом с постройкой. В рельефе их остатки представлены слегка приподнятыми над окружающей поверхностью (30—40 см) овальными или подпрямоугольными в плане площадками с примыкающими к ним ямами-карьерами или канавами. Такие объекты в массе фиксируются в

¹ Напомним, что укрепленные поселения на севере Западной Сибири появляются в неолите (в V—IV или даже VI—V тыс. до н.э.), а вторая волна распространения городищ относится к периодам ранней и средней бронзы (вторая — третья четверти II тыс. до н.э.).

тюменском и курганском Приоболье, низовьях Исети, в том числе на памятниках с керамикой второго иткульского (иткульско-гамаюнского), карагай-аульского и ваккуровского типов. Самые ранние из них, судя по радиоуглеродным датам, полученным тюменскими археологами, относятся к IX/VIII вв. до н.э. [Зах, Зимина 1999; 2001; 2004; Зимина 2003; 2003а; 2004; 2004а]. Аналогичные приподнятые жилые площадки обнаружены на Ишиме, в Среднем Прииртышье (на саргатских селищах и укрепленных поселениях Инберень IV, Батаково XIX, Старокарасук XXI и др.), а также в Барабе и Новосибирском Приобье [Погодин 1998; 1999; Троицкая, Молодин, Соболев 1980: 42–45, 73, 87–88, 90, 113]. Центром строительства таких жилищ было таежное Приобье и Обь-Иртышье. В приобской тайге самые ранние объекты подобного типа фиксируются с периода поздней бронзы и являются продолжением развития больших одиночных наземных домов, в том числе укрепленных. На данный момент наибольшая концентрация приподнятых жилых площадок отмечена на Соровских озерах, в окрестностях д. Согом, а главное на правом берегу Сургутского Приобья (в том числе на Барсовой Горе их зафиксировано несколько тысяч). Самые северные дома такого типа выявлены в бассейнах Казыма, Надыма и Пура. Исходя из этого, можно предположить, что распространение их в южно-таежном и лесостепном Приоболье, вероятно, было обусловлено миграцией гамаюнских, кульминских и иных коллективов охотников-рыболовов с Конды, низовьев Тобола, Иртыша и, возможно, даже с Оби. В лесостепном Обь-Иртышье они могли появиться позднее, с кулайским населением.

Проблема миграций в кулайском мире томскими и уральскими археологами решается по-разному. Л. А. Чиндина связывает генезис кулайской культуры со Средним Приобьем и правобережьем Среднего Прииртышья. По ее

представлениям, массовые переселения носителей кулайской культуры из Среднего Приобья по всем направлениям, включая Нижнее Приобье, начавшиеся в конце I тыс. до н.э., обусловили формирование обширной кулайской культурно-исторической общности (КИО). При этом, как пишет Людмила Александровна, «длительные и мощные» миграции кулайских коллективов носили характер военных экспансий, которые сопровождалась в Нижнем Приобье колонизацией и активной ассимиляцией местного населения [Чиндина 1984: 156–178, рис. 48]. Мы не отрицаем наличия локальных миграций таежного среднеобского населения во второй половине раннего железного века (РЖВ II), в том числе на юго-восток, вверх по Оби и ее притокам, а также на юг, в лесостепное Прииртышье. Какая-то часть обского населения в раннем железном веке могла проникнуть и на север, в бассейн Пура. Вместе с тем, мы считаем, что пока нет веских доказательств в пользу миграций кулайского населения из Среднего в Нижнее Приобье, даже принимая во внимание материалы городища Усть-Полуй и Шеркалинского могильника.

Нивелировка культуры на обширных лесных пространствах Западной Сибири и формирование «кулайского комплекса» (особая посуда с фигурно-штампованным орнаментом, бронзовое и железное оружие, бронзовое культовое литье, а также погребальный обряд, святилища, воинский культ и т.д.) были обусловлены, скорее всего, естественным распространением культурных достижений по традиционным информационным коридорам, издревле связывавшим народы западносибирского Севера. Эта трансформация представляла собой очередной, закономерный этап развития таежных обществ Западной Сибири, одной из внешних характеристик которых было изменение орнаментального керамического комплекса — от традиционного гребенчато-ямочного

(неолит—ранний железный век) и фигурно-прокатанного (конец эпохи бронзы, РЖВ I) к новому гребенчато-ямочному и фигурно-штампованному с элементом в виде уточки (РЖВ II). Иными словами, кулайская КИО — это система контактирующих и отчасти родственных между собой аборигенных культур севера Западной Сибири, трансформировавшихся при вступлении в эпоху железа. Одним из главных внешних толчков, способствовавших nivelировке древних прото-угорских и прото-самодийских культур, было упомянутое выше включение севера Западной Сибири в систему общевразийской экономики, которое стимулировало обновление и усиление связей между степными и лесными обществами, а также между самими таежными коллективами [Борзунов, Стефанова 2001: 101–102].

Изменения, происходившие в таежных приобских обществах, как уже упоминалось, затронули и духовную сферу. В археологическом материале это выразилось в распространении святилищ, могильников с грунтовыми погребениями, а также плоского культового литья, расцвет которого пришелся уже на вторую половину I тыс. до н.э.

Повторимся, что с технологической точки зрения первый период раннего железного века Севера Западной Сибири (РЖВ I) следует рассматривать в рамках эпохи бронзы. Однако освоение железа — лишь один из показателей уровня развития производительных сил, хотя и существенный. Вместе с тем, он не в полной мере определяет социально-экономическое содержание эпохи. Происходившие в начале второй четверти I тыс. до н.э. перемены в развитии местных обществ, отразившиеся в археологическом материале, позволяют говорить о том, что таежные западносибирские племена вступили в новую эпоху. Таким образом, фактически этот период является переходным от бронзового века к железному.

В Сургутском Приобье первая половина раннего железного века (РЖВ I) связана с возникновением древностей белоярского типа. Вторая (РЖВ II) совпадает с формированием местного (сургутского) варианта кулайской КИО, что произошло не ранее IV или даже в III в. до н.э. В Томско-Нарымском Приобье, как установлено Л. А. Чиндиной, наблюдается аналогичная преемственность между васюганскими и саровскими памятниками. В материальной культуре белоярских и васюганских племен много общего; кроме того, их истоки уходят непосредственно в эпоху бронзы. Явное сходство прослеживается между кулайскими памятниками Сургутского Приобья и саровскими Томско-Нарымского. В этой связи Ю. П. Чемякин предложил выделить в рамках раннего железного века таежной зоны Западной Сибири два этапа: белоярско-васюганский (переходный) и собственно кулайский [1993; 1997].

Источниковая база и краткая история исследования. История полевого изучения памятников раннего железного века таежного Обь-Иртышья нашла отражение в общей хронике полевых исследований, проведенных на территории Ханты-Мансийского автономного округа, а также серии статей [Стефанова, Борзунов 2002; Чемякин 2004; 2005; и др.]. Цитируя и дополняя их, необходимо отметить следующее.

Первые многослойные археологические памятники Нижнего и Сургутского Приобья, содержащие культурные слои начала эпохи железа, были известны ученым еще в XVIII — начале XX вв. (городища Шеркалинское I, Барсов городок I/2, I/3, I/4, Лолмен-Вош, оно же Малоатлымское I и др.). Несколько десятков объектов с материалами раннего железного века было картографировано в 1920–60-е гг. (съемка части городищ Барсовой Горы группой топографов под руководством С. А. Кукулина, 1925 г.; разведки В. Н. Чернецова, С. Г. Боча, А. К. Трапезникова, А. Ф. Палашенкова в Нижнем

Приобье и на Конде, 1925–39, 1946–48 гг.; и т.д.). Ранних могильников не было известно. Поселенческие памятники изучались в основном по внешним остаткам, если шурфовались, то крайне редко, а их культурная принадлежность была установлена позднее.

До начала 1970-х гг. в Нижнем Приобье и бассейне Конды было частично раскопано только три объекта интересующего нас времени. Речь идет об уникальном городище (культовом месте) Усть-Полуй в окрестностях Салехарда на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (раскопки В. С. Адрианова, 1935–36 гг.; разведка В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской, 1946–47 гг.), о поселении Вуграсян-Вад (раскопки В. Ф. Старкова, 1968 г.) и многослойном городище Ус-Толт (Карым I) у с. Карым на р. Юконде (В. Н. Чернецов в 1948 г. разрезал памятник траншеей).

По результатам многолетних полевых работ Валерий Николаевич Чернецов разработал периодизацию культур Нижнего Приобья, в рамках которой ранний железный век был представлен двумя сменяющими друг друга культурами: зеленогорской (около IX–VIII — V вв. до н.э.) и усть-полуйской (IV в. до н.э. — II в. н.э.), а также ярсалинским — «послеустьполуйским» — этапом (II–III вв. н.э.) [Чернецов 1953: 50–51, 63–71; 1953а; 1953б; 1957: 137–151 и сл.; Чернецов, Мошинская 1954]. Впоследствии археологами УрГУ было установлено, что зеленогорская культура относится к эпохе средневековья, материалы Усть-Полуя содержат разновременные комплексы первого и второго этапов РЖВ (перегребнинские, кулайские), а также эпохи средневековья (бичевницкий) [Федорова и др. 1991; Зыков, Федорова 1993; Морозов 1993; 1996; Чемякин 1995; Малоземова, Морозов 1997; Чемякин, Карачаров 1999].

Новый период в развитии археологии севера Западной Сибири (середина 1960-х гг. — наше время) в значительной степени был обус-

ловлен началом промышленного освоения природных богатств Тюменского Севера и связанного с ним интенсивного строительства в приобской тайге. Он характеризуется масштабными полевыми исследованиями в таежном Приобье, расширением зоны поиска археологических памятников за счет изучения глубинно-таежных территорий Западной Сибири, системными стационарными работами с применением новых методов раскопок археологических объектов и, как следствие, резким увеличением источниковой базы исследования и разработкой новой периодизации археологических культур Обь-Иртышья, в том числе раннего железного века. С начала 1970-х гг. большая часть полевых изысканий проводится по системе хозяйственных договоров, финансирование которых осуществляется предприятиями, ведущими строительство на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Инициаторами новых археологических исследований выступили не центральные научные учреждения, а местные учебные заведения, прежде всего, Уральский и Томский университеты. Впоследствии к археологическому изучению края подключились исследователи других научных и научно-производственных центров: Тобольского и Сургутского пединститутов, Уральского, Тюменского и Сургутского университетов, Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург), муниципальных учреждений «Барсова Гора» (г. Сургут) и «Центр историко-культурного наследия» (г. Нефтеюганск), музеев Сургута, Ханты-Мансийска, Тюмени и др.

В настоящее время на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры открыты сотни археологических памятников раннего железного века. Тем не менее, изучены они по типам, территориям и периодам крайне неравномерно. Стационарно исследовались, главным образом, долговременные поселенческие памятники — городища и селища, в редких слу-

чаях — стоянки, святилища и погребальные комплексы. Последние пока исчисляются единицами. В Нижнем Приобье выявлено два могильника: Шеркалинский I на Оби [Чиндина 1984: 49–56] и Товкуртлор 4 на оз. Тавикуртлор в бассейне Казыма [Стефанов 2001; Стефанова, Борзунов 2002: 71]. На правом берегу Сургутского Приобья обнаружены могильники Барсовский III, VI, VII, возможно, VIII, а также одно погребение на городище Барсов городок I/20 [Чемякин, Зыков 2004: 156–158]. На левобережье Оби, в урочище Городской Остров в окрестностях г. Нефтеюганска начато изучение могильников Сырой Аган 13 и 16 (раскопки М. Ю. Баранова, А. С. Кузьминой, А. Ф. Шорина, 2004 г.) [Кузьмина 2005; Шорин 2005]. К белоярской культуре относится только Барсовский VI могильник, остальные к различным локальным вариантам (или культурам) кулайской КИО.

На территориях Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов раскопками исследовано около 150 памятников интересующего нас времени. Вместе с тем, основным микрорайоном, где проводились регулярные исследования, была Барсова Гора. В центре и на востоке этого урочища, на сравнительно небольшой территории (4,0–5,0 x 1,5–2,0 км) зафиксировано более 100 многослойных памятников раннего железного века, включающих 143 однослойных объекта, в их числе 52 городища, 82 селища, 2 стоянки (местонахождения керамики), 4 могильника, одиночное погребение, святилище и клад. На 89 многослойных поселениях, включая 32 городища, 57 селищ и стоянок, проведены исследования с закладкой раскопов и траншей [Чемякин, Зыков 2004: 13–158, табл. 5²]. Только за последние 4 года, прошедшие со времени I Северного археологического

конгресса (2002 г.), археологами ПНИАЛ УрГУ на Барсовой Горе были раскопаны 4 селища с двумя десятками белоярских и кулайских жилых и производственных построек [Бельтикова и др. 2003; Борзунов и др. 2003; Борзунов 2004]. Материалы полевых исследований, накопленные археологами Уральского университета за последние 35 лет³, были положены в основу периодизации памятников раннего железного века Среднего Приобья, а также развернутой характеристики поселений, укреплений, жилищ, керамики, орудийного комплекса и системы хозяйства местных обществ данного периода [Чемякин 1989а: 139–139; 1993; 1994а; Борзунов 1994: 227–230, 323–325; Чемякин, Карачаров 1999: 30–42].

Результаты работ, проведенных на других объектах раннего железа Сургутского Приобья и Ханты-Мансийского округа в целом, более скромные. В 1973–76 гг. на правом берегу Оби, в бассейне р. Тромъеган В. М. Морозов рекогносцировочно исследовал городища Ермаково IV, V, VIII и селище Ермаково 5. В 1987 г. И. Г. Глушков получил кулайские материалы при раскопках городища Ермаково VI. В 1982–85 гг. в ближайшем к Барсовой Горе урочище Сайгатино Л. М. Терехова, К. Г. Карачаров и А. П. Зыков вскрыли небольшие участки на 8 поселениях начала железного века (городища Кучиминские II, XIII, XIX, селища Кучиминские IV, X, XVIII, XXIII, Остяцкий Живец IV). Сведения об этих работах вошли в общую ха-

² В таблице 5 отсутствует № 79, а под №№ 89 и 90 фигурирует один и тот же памятник.

³ Раскопки памятников РЖВ проводились М. В. Елькиной (Романовой), Ю. П. Чемякиным, В. М. Морозовым, Г. В. Бельтиковой, В. А. Борзуновым, Л. Л. Косинской, Н. Ф. Федоровой, Н. К. Стефановой, Г. А. Степановой, О. Н. Корочковой, А. А. Погодиным, А. С. Сергеевым. В разные годы в работах принимали участие В. П. Викторов, Н. А. Алексашенко, В. Ф. Кернер, Л. М. Терехова, С. Ф. Кокшаров, А. П. Зыков, К. Г. Карачаров, Н. Н. Новиченков, В. В. Петров, Н. В. Шатунов, А. А. Ковригин, В. И. Стефанов, В. Н. Широков и др.

раактеристику памятников Сургутского Приобья [Чемякин 1997; Чемякин, Карачаров 1999: 32–42]. В 1999–2000 гг. В. Н. Логвин провел здесь раскопки еще одного селища — Кучминского X или IX, относящегося к калинkinской культуре [Логвин, Калиева 2004]. В 2001–02 гг. В. М. Морозов исследовал городище раннего железного века Глухое II, расположенное между урочищами Сайгатино и Барсова Гора [Морозов 2003]. В 1995 г. им же вскрыта постройка с материалами белоярской культуры на поселении Вачим VII у г. Лянтора в бассейне р. Пим [Морозов, Чемякин 1997]. Следует также отметить раскопки В. А. Арефьева на комплексе поселений Сырой Аган в окрестностях Нефтеюганска на левобережье Оби [Арефьев, Рогозинникова 2005].

В Нижнем Приобье, помимо Шеркалинского могильника I–III вв. н.э. (раскопки Е. А. Васильева и Л. А. Чиндиной) [Чиндина 1984: 49–56], исследовались многослойные памятники эпохи железа — городища Перегребное VI, Низямы II, IV, V, Шеркалы, Октябрьское, поселения Перегребное 4, Низямы I, II, 8 и др. (В. М. Морозов, 1978–89 гг.; Л. М. Терехова, 1980 г.; С. Г. Пархимович, 1981–84 гг.; В. Н. Широков, 1986–87 гг.). В 1989 г. А. В. Головнев на городище Нумто II (оз. Нумто в верховьях Надыма) раскопал одно жилище с керамикой калинkinского типа. Материалы раскопок поселений не опубликованы. Выделенные по результатам полевых работ памятники и керамика перегребнинского типа, ориентировочно датирующиеся второй — третьей четвертью I тыс. до н.э., пока не имеют четких характеристик.

Из исследований в Кондинском районе Ханты-Мансийского округа необходимо выделить работы археологов Тобольского пединститута на памятниках кулайского времени. В их числе раскопки А. В. Растороповым в 1982 г. городища у с. Старый Катыш близ устья р. Ка-

тышинки [Расторопов, Арапов 1983; Расторопов 1987; 1993: 44–45; Стефанова, Борзунов 2002: 41–42], С. И. Шумайлова на городищах Болчары I/2 и I/3 близ одноименного села (1985–87 гг.) и городище Денисово I на р. Евра (1988 г.). Не меньшее значение имели работы уральских археологов. В 1980 г. Н. К. Стефанова и С. Г. Пархимович провели раскопки двух кулайских поселений — Новый Катыш IVa и IVб [Стефанова 1980]. К кулайскому времени относится поздний слой поселения Ахтымья I, частично вскрытого в 2004 г. А. Е. Цеменковым. Яркие комплексы синдейского типа выявлены в 2002–05 гг. А. П. Зыковым и С. Ф. Кокшаровым на поселении Ендырское VIII [Зыков 2004], городище Большая Умытья 36, Е. М. Беспрозванным на городище (?) Неушья 1.1. По результатам некоторых исследований опубликованы информационные заметки, однако достойным образом материалы раскопок не изданы.

Для характеристики бастионных крепостей раннего железного века, аналогичных выявленным в Сургутском Приобье, важны работы, проведенные на территории Ямало-Ненецкого автономного округа — раскопки в 1998 и 2001 гг. Л. Л. Косинской и В. В. Заниной городища Усть-Кяльяс-Яха 21 в бассейне Пура [Косинская 2000]. Необходимо отметить исследования городища Усть-Полуй в черте г. Салехарда, осуществленных в 1994–97 гг. под руководством Н. В. Федоровой.

К сожалению, из-за отсутствия финансирования и труднодоступности территорий не были затронуты раскопками комплексы городищ и селищ на Соровских озерах, у деревень Ермаково, Согом, Селяйрово и др. В целом источниковая база изучения памятников начала эпохи железа Ханты-Мансийского автономного округа оставляет желать много лучшего.

Белоярско-васюганский этап (РЖВ I).
Период с VIII–VII по IV вв. до н.э. в таежной

зоне Западной Сибири характеризовался ломкой культурных стереотипов предшествующего времени, распадом культурных образований эпохи бронзы и формированием новых. В Северном Зауралье и Нижнем Приобье лозьвинские памятники трансформируются в *кульминские*. В Сургутском Приобье на основе барсовской и атлымской культур возникла *белоярская*. В южнотаежном Прииртышье формируется *богочановская культура*. Ее ранние памятники (журавлевского этапа) демонстрируют явную преемственность от сузгунских и красноозерских [Данченко 1991: 15]. В Северной Барабе, на границе тайги и лесостепи, складываются основные черты *новочекинской культуры*, отражающей одну из первых волн миграции в местную лесостепь таежного населения [Полосьмак 1987: 106–108].

Сравнительно недавно памятники этих культур рассматривались в рамках васюганского этапа кулайской культуры или общности [Чиндина 1984], вопрос о происхождении и датировке которой остро дискутировался во второй половине 1970 — начале 1980-х гг. При всем разнообразии мнений, большинство исследователей искали корни этой культуры-общности в древностях периода поздней бронзы. Ареал формирования кулайской культуры первоначально ограничивался Нарымским Приобьем [Косарев 1974: 138]. Затем, с открытием комплексов Барсовой Горы, в него стали включать Сургутское Приобье [Чиндина 1984: 118]. Время сложения кулайской культуры определяли в большом, почти тысячелетнем, интервале. Сейчас преобладает мнение, что она сформировалась в VI–V вв. до н.э. [Косарев 1974: 146; 1993: 161; Чиндина 1984: 103, 106, 120; Могильников 1987: 163].

Наиболее детально проблемы происхождения и развития кулайской культуры рассмотрены Л. А. Чиндиной. Она же выделила два этапа развития культуры: васюганский (VI — II–I вв.

до н.э.) и саровский (II–I вв. до н.э. — V в. н.э.). Для васюганского этапа, по ее мнению, характерны шесть групп керамики, из которых только первая — территориальная (распространена в Сургутском Приобье), остальные хронологические. Одновременно была предложена датировка каждой группы и, соответственно, намечена периодизация васюганского этапа [1984: 84–88, 103–105, 121]. В свое время в круг васюганских Л. А. Чиндина включила памятники Среднего Прииртышья и Барабы [1984: 84], которые сейчас относят к самостоятельным культурам — новочекинской [Полосьмак 1985; 1987: 104–108] и богочановской [Данченко 1991; 1996]. К тем же васюганским были причислены поселения раннего железного века Сургутского Приобья, ныне известные как памятники белоярской и калинкинской культур [Елькина 1977; Чемякин 1989].

В этой связи важно выяснить, какие же признаки позволяют археологам объединять разные археологические памятники в рамках одной кулайской культуры? Таким набором диагностических элементов стало понятие «кулайская триада», которую образуют бронзовые оружие и орудия труда (своеобразные массивные наконечники стрел, кельты), культовое литье и глиняная посуда, украшенная фигурным штампом в виде уточки. Большинство исследователей хронологические и территориальные границы кулайской культуры-общности определяются в основном по наличию в археологических комплексах этих составляющих. Культовые изделия, орудия труда и оружие из цветного металла появляются раньше сосудов с оттисками уточковидного штампа. Такая керамика (5-я группа, по Чиндиной) начинает изготавливаться в IV–III вв. до н.э. Одновременно прослеживаются первые признаки нивелировки культуры населения всего таежного Обь-Иртышья. Именно с этого времени, на наш взгляд, следует говорить о кулайской культуре (КИО). Напомним, что Л. А. Чин-

Вид с позднекулайского городища Барсов городок I/4 на протоку Утопляя.
Сургутское Приобье

Антропоморфные керамические скульптуры.
Белоярская культура (ранний железный век).
Селище Барсова Гора I/40 и III/72. Сургутское Приобье

Бронзовые наконечники стрел.
Кулайская и белоярская культуры (ранний железный век).
Барсова Гора. Сургутское Приобье

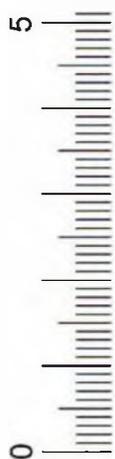
Бронзовая зооморфная пластика.
Кулайская культура (ранний железный век). Селище Барсова Гора III/21

Бронзовая антропоморфная пластика.
Святылище на городище Барсов городок I/9 (кулайская культура).
Селище Барсова гора IV/10 (белоярская культура)
Сургутское Приобье

Керамический сосуд с изображением животного. Кулайская культура (ранний железный век).
Селище Барсова Гора III/10. Сургутское Приобье

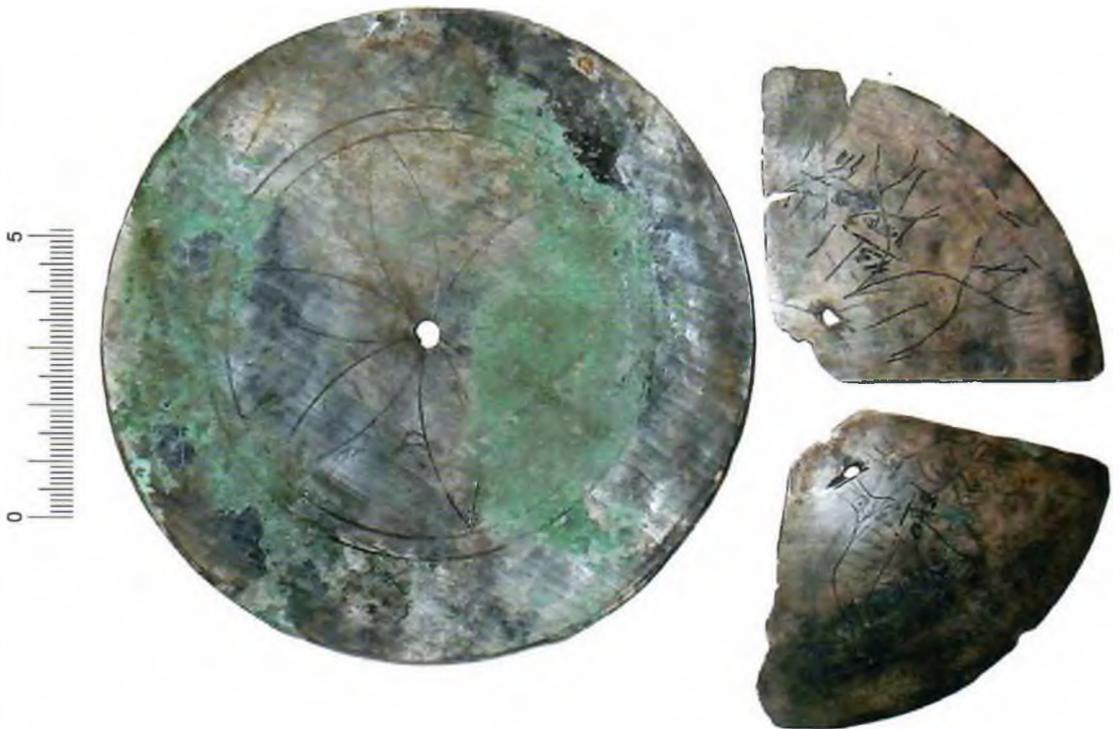
Керамический сосуд на поддоне.
Кулайская культура (ранний железный век). Погребение на городище Барсов городок 1/20

Керамический сосуд.
Кулайская культура (ранний железный век). Барсова Гора

Железные изделия и бронзовая пластина.
Кулайская культура (ранний железный век).
Барсовский III могильник. Сургутское Приобье

Бронзовые зеркала с гравировкой.
Кулайская культура (ранний железный век). Барсовский III могильник

Бронзовая зооморфная накладка.
Кулайская культура (ранний железный век).
Барсовский III могильник

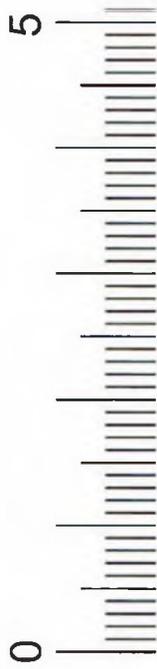
Бронзовые зооморфная полая пронизка, наконечник стрелы и накладки-пронизки.
Кулайская культура (ранний железный век). Барсовский III могильник

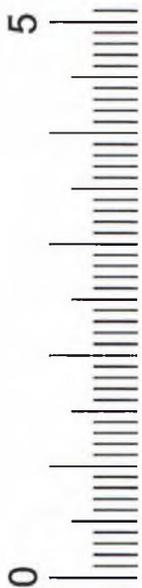
Фрагменты бронзового зеркала и серебряные серьги.
Кулайская культура (ранний железный век).
Барсовский III могильник, Сургутское Приобье

Стеклянные бусы.
Кулайская культура (ранний железный век).
Барсовский III могильник

Серебряная пластина с гравировкой.
Кулайская культура (ранний железный век).
Барсовский VII могильник, Сургутское Приобье

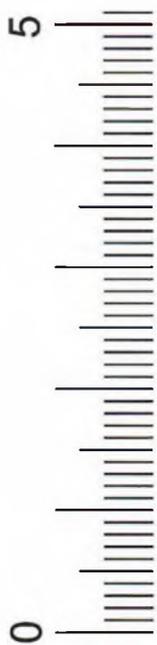
Бронзовая ажурная пластина (фрагменты).
Кулайская культура (ранний железный век)
Барсовский VII могильник

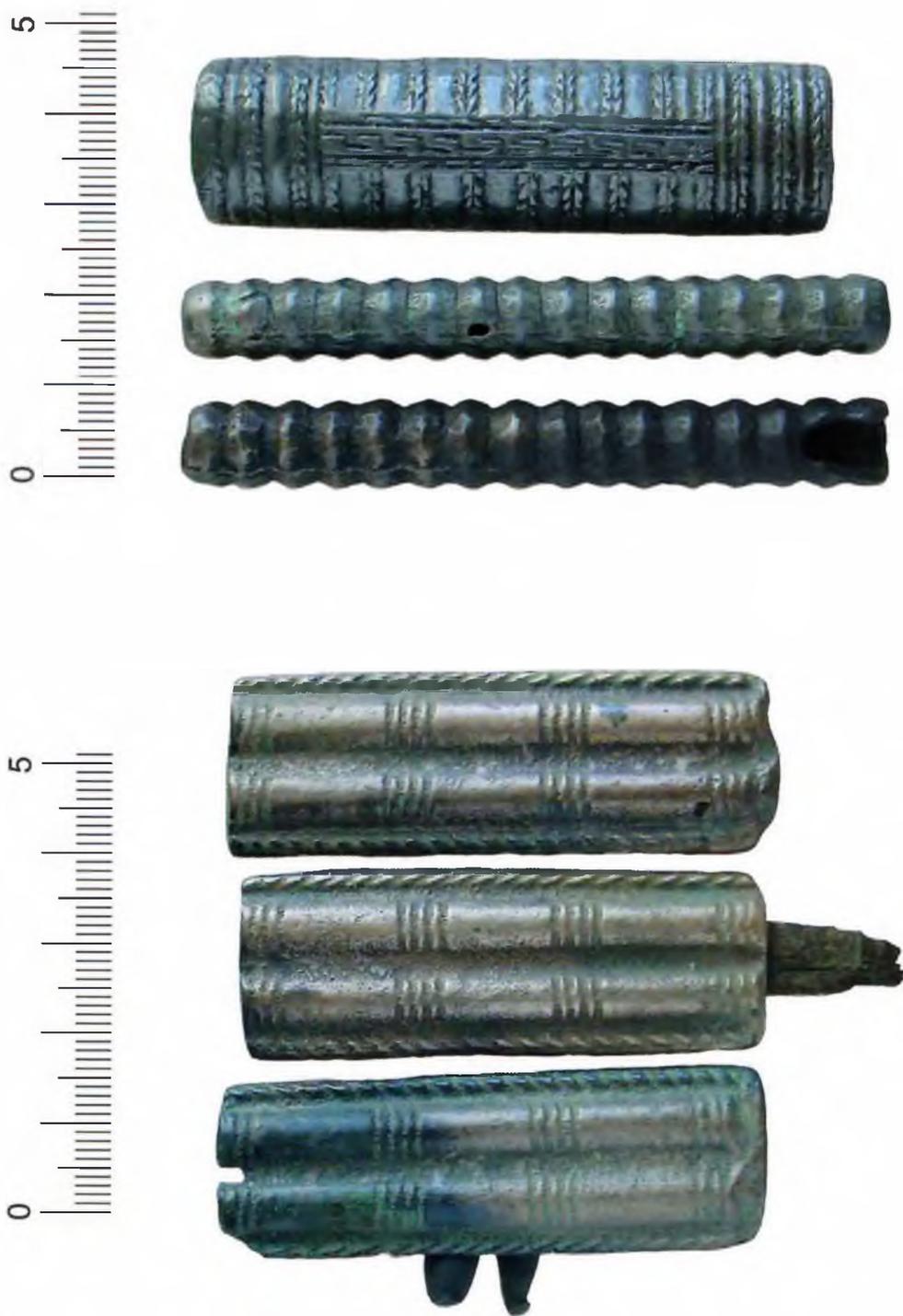
Бронзовая антропоморфная и зооморфная пластика.
Кулайская культура (ранний железный век)
Барсовский VII могильник. Сургутское Приобье

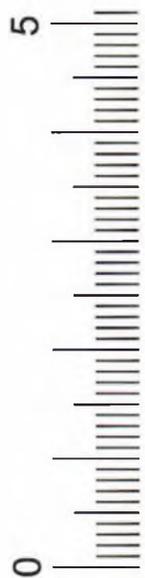
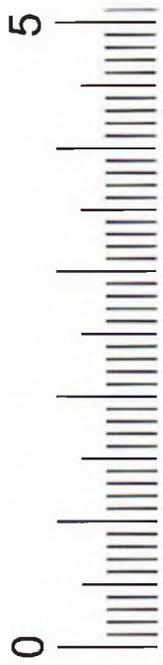
Бронзовая зооморфная пряжка.
Кулайская культура (ранний железный век).
Клад с городища Барсов городок I/20. Сургутское Приобье

Бронзовые зооморфные полые подвески.
Кулайская культура (ранний железный век).
Клад с городища Барсов городок 1/20. Сургутское Приобье

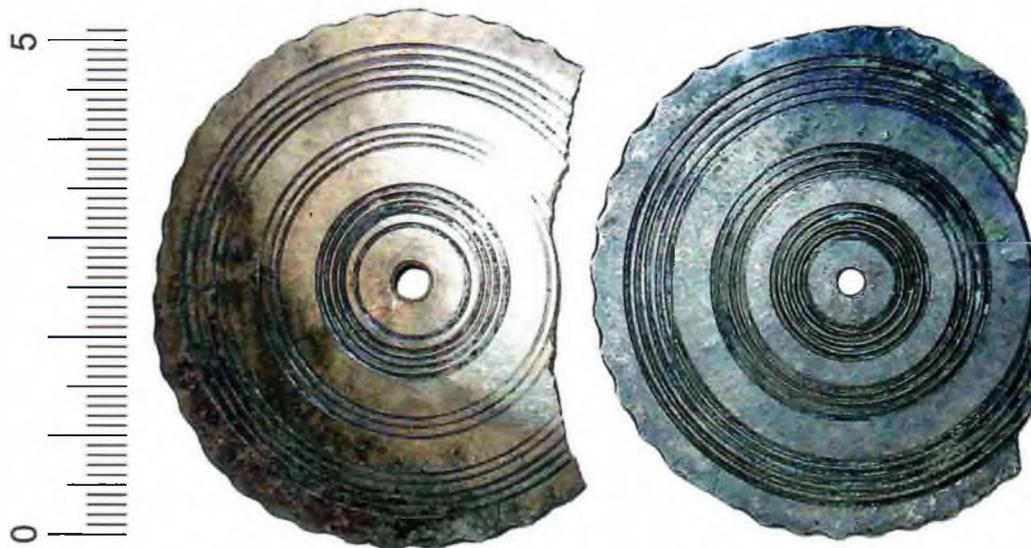
Бронзовые накладки и пронизки.
Кулайская культура (ранний железный век).
Клад с городища Барсов городок I/20

Бронзовые антропоморфная и зооморфная ажурные накладки.
Кулайская культура (ранний железный век).
Клад с городища Барсов городок 1/20. Сургутское Приобье

Бронзовые пряжка и орнитоморфная накладка, накладки-подвески.
Кулайская культура (ранний железный век).
Клад с городища Барсов городок 1/20

Бронзовые зеркало и бляхи.
Кулайская культура (ранний железный век).
Святылище на городище Барсов городок 1/9. Сургутское Приобье

дина в свое время отмечала, что «четкий стереотип, выразившийся в появлении 4-й и 5-й групп керамики», сформировался к V–IV вв. до н.э. «в результате длительной трансформации» [1984: 120]. В Нарымском Приобье кулайскими, по нашему мнению, следует считать комплексы с керамикой 5-й и последующих групп.

За памятниками с посудой 2-й, 3-й и 4-й групп мы предлагаем сохранить название «васюганские», придав им статус археологической культуры (или культурного типа), локализующейся в восточной части Среднего Приобья [Чемякин 1993]. При этом не исключено, что керамика 4-й и 5-й групп (по Л. А. Чиндиной) могла какое-то время сосуществовать. Анализ материалов, отражающих территориальное и хронологическое распределение типов кулайской керамики в Приобье [Чиндина 1984: 93, табл. 8], показывает, что половина памятников с сосудами 4-й группы (с преобладанием гребенчатых узоров) не содержит горшки 5-й группы (в которой «доминирует уточка»). Мы уверены, что при увеличении числа признаков, по которым будет проведена новая классификация посуды раннего железного века, эти группы распадутся на подробные локально-хронологические комплексы.

Кулайские древности на обширных пространствах таежного Приобья формируются на местной основе. Они представляют собой одно из звеньев в общей эволюции культуры аборигенного населения края, которая прослеживается, по крайней мере, с эпохи бронзы. Однако кулайские и позднебронзовые памятники разделены хронологической лакуной в несколько веков, поэтому ошибочно искать кулайские истоки непосредственно в культурах эпохи бронзы II — начала I тыс. до н.э. Правомернее выделить в рамках раннего железного века таежного Обь-Иртышья два этапа: белоярско-васюганский и собственно кулайский. Сходной позиции в настоящее время придерживается М. Ф. Косарев [1993: 173]. На наш взгляд,

нижняя граница белоярско-васюганского этапа совпадает с концом бронзового века (по традиционной хронологии) и распадом общности культур с крестово-струйчато-ямочной орнаментацией керамики. Верхний предел маркируется началом распространения керамики с фигурно-штампованной орнаментацией, где определяющим, но не всегда доминирующим, считается штамп в виде «уточка» [Чемякин 1993].

Белоярско-васюганский этап продолжался с VII (VIII–VII) по IV (IV–III) вв. до н.э. Он характеризует культуру носителей гребенчато-ямочной орнаментальной традиции (включая, как вариант, отдельные общества с посудой, украшенной крестово-ямочными узорами) в момент их перехода к железному веку и самом начале новой эпохи. Восток и юг таежного Приобья и Обь-Иртышья, а также прилегающую к ним северную кромку лесостепи в это время занимали *васюганские, новочекинские и ранние богочановские (журавлевские)* поселения. Для керамики этих культурных типов и территорий характерны узоры, нанесенные оттисками гребенчатого и гладкого штампов, пояски ямочных вдавлений и жемчужин. Запад Среднего Приобья и Обь-Иртышья занимали *белоярские* племена, бассейн Конды — *кульминские*, реки Тавду, Пелым и Лозьву — *кульминские и северные гамаюнские (вагильские)*. В Зауралье и примыкающих с востока районах Приобья, наряду с аборигенным иткульским населением, обитало пришлое *гамаюнское*. В орнаментации белоярской, кульминской и гамаюнской посуды, помимо ямок и гребенчатого декора, присутствуют узоры, нанесенные другими фигурными штампами, причем как печатными, так и прокатанными — мелкоструйчатый, змейковидный, крестовый, «крупной волной», мелким «полулунным», треугольным, ромбическим и др. Новые элементы орнаментики фиксируются на синкретической гамаюно-иткульской и иткульско-гамаюнской (второго

иткульского типа) посуде, распространенной от горно-лесного Зауралья до лесного и лесостепного Притоболья. Osteологические материалы свидетельствуют о занятиях таежного населения охотой и рыболовством, а в районах, граничащих с лесостепью, еще и придомным скотоводством. В VI—IV вв. до н.э. в Сургутском Приобье и на сопредельных территориях (оз. Соровские, Нумто) появляются племена *калинкинской культуры*. Характеризующие их черты, прежде всего, своеобразная керамика, наличие лошади, прямоугольные укрепления, линейная расстановка жилищ, говорят о южном или юго-восточном происхождении пришельцев. В целом, в таежном Приобье начала эпохи железа сохраняются различия, наметившиеся между двумя большими ареалами — западным и восточным — еще в период поздней бронзы.

Хронологически белоярско-васюганскому этапу соответствуют памятники с керамикой *перегребнинского типа*, выделенные по материалам поселений Нижнего Приобья [Морозов, Чемякин 1991; Чемякин 1995; Морозов 1996; Малоземова, Морозов 1997]. Название дано по ярким керамическим комплексам поселения Перегребное 4 и городища Перегребное VI, исследовавшимся В. М. Морозовым. Этот тип керамики присутствует и на городище Усть-Полуй, составляя небольшую часть 2-й группы сосудов (по Мошинской, с гребенчатым орнаментом). Выделение керамических комплексов, в первую очередь, по элементам и технике нанесения декора, привело В. И. Мошинскую к объединению разных по форме и времени бытования сосудов в одну группу [1953; 1965]. Перегребнинский тип керамики характеризуется емкостями с венчиками, оформленными в виде «карнизиков», напоминающих «воротнички» на шейках ананьинских горшков, обедненной преимущественно гребенчатой-ямочной, а также шнуровой орнаментацией [Морозов, Чемякин

1991: 101; Чемякин 1994: 18; Морозов 1996; 2002: 64; Малоземова, Морозов 1997: 193—195, 203]. Первоначально данный тип Ю. П. Чемякин и В. М. Морозов предлагали именовать «собственно усть-полуйским», что было вызвано недооценкой количества кулайских сосудов с гребенчатой орнаментацией на Усть-Полуе. Датировка памятников перегребнинского типа построена на сравнительно-типологическом анализе керамики, других источников для этого пока нет. Не исключено, что представление о времени существования этого типа может измениться в сторону омоложения, т.е. соответствия его ранней стадии кулайского этапа.

Кулайский этап (РЖВ II). Ранний железный век в западносибирской тайге ассоциируется в первую очередь с кулайской культурой. Она начинает формироваться одновременно в нескольких центрах. Постепенно, путем культурно-экономических контактов и миграций, распространяется почти по всей лесной и отчасти лесостепной зонам Западной Сибири, образуя, в конечном итоге, кулайскую культурно-историческую общность.

В Сургутском Приобье кулайская культура появляется в результате взаимоассимиляции населения аборигенной белоярской и прошлой калинкинской. Одной из особенностей керамики *сургутского варианта* кулайской культуры (КИО) было широкое распространение элемента орнамента в виде птички или зигзага, состоящего из двух колен [Чемякин, Карачаров 2002: 40—44].

В Нарымском Приобье и Васюганье кулайская культура формируется иначе. Здесь прослеживается постепенная эволюция керамики от 2-й группы к 6-й [Чиндина 1984: 76—94, 103—106], а *нарымский вариант* кулайской культуры-общности образуется на базе васюганских древностей, отличных от белоярских и тем более калинкинских. Повторимся, по нашим представ-

лениям, кулайскими в Нарымском Приобье следует считать памятники с керамикой 5-й и 6-й групп, а с посудой 2-й, 3-й и 4-й — кулайскими (васюганскими).

В Томском, Новосибирском и Барнаульском Приобье, как это убедительно показано Л. М. Плетневой [1973: 198; 1977: 91], Т. Н. Троицкой [1979], Л. А. Чиндиной [1984: 161 и сл.] и другими исследователями, кулайские памятники не имеют местных корней. Кулайские племена приходят сюда с севера и, по видимому, несколькими одновременными потоками. В Томском Приобье мигранты появились, скорее всего, в III в. до н.э. [Плетнева 1978: 58]. В Новосибирском Приобье Т. Н. Троицкая отмечает две волны кулайских переселений (III—II вв. до н.э.; первые века н.э.) [1979: 62—63]. Кроме того, Т. Н. Троицкой выделены три этапа развития новосибирского варианта кулайской культуры: каменномысский (конец III — II вв. до н.э.), ордьинский (I в. до н.э. — I в. н.э.) и фоминский (конец I — III вв. н.э.) [1979: 48—50]. По мнению Ю. В. Ширина, фоминские памятники, датированные им рубежом II—III — IV вв., принадлежат к самостоятельной культуре Верхнего Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау. В ее сложении участвовали потомки приобского населения, сформировавшегося при взаимодействии степных и подтаежных коллективов в конце I тыс. до н.э., а также новые этнические группы, «которые пока могут быть только обозначены» [2003: 158].

Пока не ясно взаимоотношение племен богочановской и кулайской культур в Среднем Прииртышье. Первая датируется Е. М. Данченко VI—II вв. до н.э. [1996: 101, 109]. Этот интервал большей частью совпадает с белоярско-васюганским этапом и началом собственно кулайского. В свое время кулайские древности в этом регионе были отнесены В. Н. Чернецовым к среднеиртышской культуре, синхронизированной им с усть-полуйской [Чернецов, Мошин-

ская 1951; Чернецов 1953б: 224]. При этом исследователь заметил, что керамика среднего слоя городища Большой Лог по своей форме и орнаментации чрезвычайно близка потчевашской [Чернецов 1953б: 224]. Тем не менее, В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская различали эти культуры, предполагая происхождение потчевашских древностей от зеленогорских, датируя первые V в. до н.э. — I в. н.э., вторые — началом раннего железного века [Мошинская 1953: 216; Чернецов 1953: 63—71; 1953б: 241]. Сегодня очевидно, что в интерпретации и датировке зеленогорских и потчевашских памятников этими учеными были допущены серьезные ошибки, отразившиеся и на их других построениях.

Точку зрения о существовании среднеиртышской культуры (II—I вв. до н.э. — I—II вв. н.э.), «дочерней от кулайской», отстаивал В. А. Могильников [1970: 181—185]. Он полагал, что племена, создавшие среднеиртышскую культуру, скорее всего, пришли с территории Среднего Приобья. Одновременно он подчеркнул несущественную роль мигрантов в дальнейшей этнической истории Прииртышья, отметив что «они не явились той основой, на которой сложилась в лесостепи культура третьей четверти I тыс. н.э.» [1970: 184—185]. Позднее В. А. Могильников утверждал, что на васюганском этапе проникновение «кулайцев» в Среднее Прииртышье было незначительным, а на саровском этапе здесь сформировалась среднеиртышская культура, начало которой вряд ли «древнее I в. до н.э., а в основном идет на первую половину I тыс. н.э. ... Однако большую часть керамики саровского типа в Прииртышье, вероятно, надо относить к III—V вв. н.э.» [1978: 90]. Изменив первоначальное мнение на прямо противоположное, исследователь заявил, что среднеиртышская культура «составной частью вошла в потчевашскую культуру» [Могильников 1986: 28; 1990: 11].

Новосибирские археологи, вслед за уральскими [Генинг и др. 1970: 216—218], рассматривают кулайские среднеиртышские памятники в рамках сперановского этапа потчевашской культуры и датируют их II—I вв. до н.э. — V—VI вв. н.э. [Елагин, Молодин 1991: 102—103]. Но сегодня взгляд уральских археологов на эти древности изменился. По нашему мнению, кулайские (т.е. среднеиртышские, или сперановские) памятники в этом регионе появились, видимо, на рубеже эр, а к концу III в. н.э. исчезли. Памятники Омского Прииртышья и Северной Барабы конца VI — IX вв. сформировались не на кулайских основе, а явились следствием более поздней миграции северных племен, точнее, расширения ареала об-иртышской общности в средневековье — на ее зеленогорском и кучиминском этапах [Зыков, Федорова 2001: 21—22]. Что касается Л. А. Чиндиной, то, по ее мнению, правобережный бассейн Среднеиртышья был не просто занят пришельцами-кулайцами, а являлся территорией формирования кулайской культуры. Кулайские памятники, к которым она относит и богочановские, возникли здесь еще на васюганском этапе. На саровском этапе происходит продвижение населения на соседние территории в районы бассейна Оми и Нижнего Прииртышья, о чем говорит идентичность саровской и прииртышской керамики [1984: 164]. Выделение в южно-таежном Прииртышье самостоятельной богочановской культуры [Данченко 1988; 1989; 1991; 1996] ставит под сомнение предложенную Л. А. Чиндиной гипотезу генезиса кулайской культуры в Среднем Прииртышье.

Открытие ранних и поздних кулайских поселений в бассейне Конды, а также материалы новых раскопок на Усть-Полуйском городище и других синхронных памятниках Нижнего Приобья позволяют поставить вопрос о местном происхождении кулайской культуры в этих районах и выделении кондинского и нижнеобского ва-

риантов кулайской КИО. Среди ранних памятников бассейна Конды отметим поселения Новый Катыш IVa и IVб [Стефанова 1980; Чемякин 1994: 294]. Более поздними считаются поселение Ахтымья I и городище Катыш, на которых есть керамика, близкая ярсалинской [Расторопов 1985: 238]. Керамика васюганского и саровского облика найдена при раскопках городищ Денисово I, Болчары I/2 и I/3 [Шумайлов 1985; 1986; 1987; 1987a: 295—296; 1988], а также при обследовании городищ Большая Умытъя 36, 41, 150 (А. Е. Старков, А. А. Шартогашев, А. А. Погодин, 1992—95 гг.).

В кулайскую общность следует включить *синдейские памятники* Северного Зауралья (бассейны Тавды, Пельмы, Лозьвы), сложившиеся, по мнению В. Д. Викторовой [1970: 260—261; 2000: 489], из трех компонентов, в том числе местного вагильского (северного гамаянского). Здесь их сменяют *памятники туманского типа*. Их керамика по форме и орнаменту разделена на четыре группы, одна из которых генетически восходит к синдейской и даже более ранней традиции [Викторова 1999: 136]. В. Д. Викторова допускает участие в сложении памятников данного типа населения, пришедшего, по-видимому, из более северных районов (бассейны Конды и Сев. Сосьвы? — В. Б., Ю. Ч.) [Викторова 1970: 263; 1999: 137—138]. Сравнение туманской керамики [Викторова 1999: Рис. 7, 8] с ярсалинской и карымской [Чернецов 1957: Табл. I, II, IV—VI] показывает их практически полное сходство. Это ставит под сомнение целесообразность выделения туманских памятников в особый тип или же делает необходимым более аргументированное обоснование их своеобразия. Скорее всего, синдейские комплексы относятся к раннему и началу позднего (саровского, по Л. А. Чиндиной) этапов функционирования кулайской КИО. Туманские (они же — ярсалинские) представля-

ют более поздний этап развития кулайской КИО на данной территории и относятся, по-видимому, к первым векам н.э. К сожалению, датирующих вещей на туманских объектах не найдено. Поздняя туманская керамика сопоставима с карымской раннего средневековья.

До сих пор вызывает острые дискуссии *усть-полуйская культура* Нижнего Приобья, выделенная в 1940-х гг. В. Н. Чернецовым и исследованная им совместно с В. И. Мошинской [Чернецов 1941; 1946; 1953; 1953б; Мошинская 1953а; 1953б; 1965]. В. Н. Чернецов различал в материалах данной культуры два компонента: арктический охотничье-рыболовческий и степной, связанный с появлением в северо-западной Сибири нового этнического элемента. В. И. Мошинская разделила керамический комплекс Усть-Полуйского городища на три группы, отражавшие, по ее мнению, различные фазы сложения и развития культуры [1953а: 107–113], но впоследствии согласилась с мнением ряда исследователей о многослойности и разнокультурности городища. Она отметила более поздний возраст керамики 3-й группы и связала ее происхождение со среднеобским населением, посещавшим «это крупное святилище на Ангальском мысу» [1978: 70]. А. М. Мурыгин, вслед за В. И. Канивцом и Г. М. Буровым, отождествил 1-ю группу усть-полуйской керамики с приуральской бичевницкой, которая датируется не ранее середины I тыс. н.э. [Мурыгин 1985: 89–91]. Свообразна точка зрения Л. А. Чиндиной, считающей усть-полуйскую культуру (или усть-полуйский вариант кулайской общности) результатом миграции среднеобского кулайского населения в Нижнее Приобье. В том числе населения южного происхождения, унаследовавшего кулайские традиции [1982: 16–18; 1985: 41; 1989: 131].

Новый взгляд на усть-полуйскую культуру сложился у московских археологов. В. А. Могильников резко расширил ее территорию, вклю-

чив в качестве локальных вариантов культуры белоярские памятники Сургутского Приобья и синдейские лесного Зауралья. Обратим внимание, что данные комплексы относятся к разным хронологическим этапам. Кулайская миграция II–I вв. до н.э., как полагал ученый, была непродолжительной. Уже на ярсалинском этапе (I–II вв. н.э.) четко проявилось своеобразие местного этнокультурного компонента. Кроме того, В. А. Могильников считал миграцию на север населения из Верхнего Прииртышья маловероятной [1990: 10–12]. В свою очередь, М. Ф. Косарев отметил близость и родство усть-полуйской и кулайской культур. На карте «Западная Сибирь в начале эпохи железа (середина I тыс. до н.э.)» он обозначил огромную усть-полуйскую общность, включающую также белоярскую группу памятников [1991: 25, карта 5]. При этом ученый предлагал расширить не только территориальные границы культуры, выделив кондинский и юго-западный (синдейский) варианты, но и ее хронологические рамки. М. Ф. Косарев различает в развитии культуры три этапа: усть-полуйский (около III в. до н.э. — I в. н.э.), ярсалинский (II–III вв. н.э.) и карымский (IV–V вв. н.э.) [1991: 25; 1993: 168–173]. К сожалению, оба исследователя не представили характеристику усть-полуйской общности и не обосновали включение в ее состав белоярских, синдейских и других древностей.

Материалы, полученные уральскими археологами при раскопках в Нижнем Приобье, в том числе на Усть-Полуйском городище [Малоземова, Морозов 1997; Усть-Полуй... 2003], позволяют иначе взглянуть на проблему. Во-первых, как уже упоминалось, на памятнике присутствует средневековый комплекс, соотносимый с керамикой типа бичевник (1-я группа, по В. И. Мошинской). Во-вторых, из состава 2-й группы (по В. И. Мошинской) В. М. Морозовым и Ю. П. Чемякиным была выделена более ранняя (докулайская) посуда, названная

перегребнинской. В Нижнем Приобье обнаружены поселения, содержащие практически чистые комплексы с такой керамикой (Перегребное VI) [Морозов 1996; Малоземова, Морозов 1997: 203], предварительно датированные третьей — началом последней четверти I тыс. до н.э. Основание городища (культового места) Усть-Полуй, по данным дендрохронологического анализа, уральские археологи относят к середине I в. до н.э. [Федорова 2000: 7; 2000а: 60–61; Зыков, Федорова 2001: 126]. В-третьих, богатый инвентарь Усть-Полуя связан, главным образом, с кулайской культурой. Кулайская керамика памятника сопоставима с саровской. Кроме того, в усть-полуйской коллекции есть сосуды, сходные с синдейскими и ярсалинскими. В этой связи возникают вопросы: 1) одновременны или частично синхронны перечисленные типы керамики на данном памятнике; 2) если они одновременны, с посудой какого типа связана приведенная выше ранняя дата, а также кость и бронза Усть-Полуя.

В целом, можно констатировать, что взгляды археологов на кулайскую культуру-общность еще существенно различаются. По нашему мнению, новые материалы свидетельствуют в пользу автохтонного формирования культур (или локальных вариантов) кулайской КИО на большей части таежного Приобья. То есть там, где в эпоху бронзы были распространены культуры общности гребенчато-ямочной керамики. Что касается миграций среднеобского кулайского населения, то они были направлены в основном на юг и юго-восток Западной Сибири — в Омское Прииртышье, Томское и Верхнее Приобье. Переселения из Среднего Прииртышья на запад и северо-запад — в Нижнее Приобье и на Конду

маловероятны. Говоря о переменах, происходивших в кулайское время в западносибирских лесах, их «можно кратко определить двумя словами: унификация и прогресс» [Федорова 2000а: 57].

Перспективы и основные направления исследования. Исходя из вышеизложенного, в качестве приоритетных задач изучения памятников раннего железного века Северо-Запада Сибири необходимо обозначить следующие: 1. Стационарные раскопки опорных поселенческих памятников — городищ и селищ — на различных территориях, в первую очередь в Нижнем Приобье, Обь-Иртышском междуречье и на Конде; 2. Поиск новых могильников и селищ раннего железного века с последующим их стационарным изучением; 3. Совершенствование методов полевого исследования памятников и камеральной обработки археологических коллекций; 4. Уточнение периодизации археологических культур начала эпохи железа с помощью современных научных методов; 5. Детальная характеристика выделенных культур и культурных типов на основании результатов новых полевых исследований и обработки материалов прежних раскопок по единой методике; 6. Публикация материалов уже раскопанных памятников; 7. Составление характеристик поселений, жилищ, производственных и культурных объектов, керамических комплексов, металлических изделий по отдельным территориям региона; 8. Разработка комплексной долгосрочной программы исследований по основным проблемам кулайской культуры; 9. Проведение рабочих семинаров по изучению памятников раннего железного века Северо-Западной Сибири.

Литература

Арефьев В. А., Рогозинникова Ю. В. 2005. Сырой Аган, комплекс археологических памятников // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 4. Ханты-Мансийск. С. 38–39.

Белавин А. М. 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и культурных связях. Пермь: ПГУ. 200 с.

- Бельтикова Г. В. 1993. Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. Вып. 21. Екатеринбург: УрГУ. С. 93–106.
- Бельтикова Г. В. 2005. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). Екатеринбург: УрГУ. С. 162–186.
- Бельтикова Г. В., Борзунов В. А. 1989. Металлургия раннего железного века. Распространение производящего хозяйства в лесные районы // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука. С. 88–98.
- Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корочкова О. Н., Погодин А. А., Сергеев А. С., Стефанов В. И. 2003. Исследование селищ конца бронзового — начала железного веков на Барсовой Горе // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск: Ханты-Мансийск: ТГУ. С. 232–243.
- Борзунов В. А. 1987. Роль миграций в сложении и развитии культур крестовой керамики // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 23–24.
- Борзунов В. А. 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (тамалонская культура). Екатеринбург: УрГУ. 189 с.
- Борзунов В. А. 1994. Укрепленные поселеня Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 1. Томск: ТГУ. С. 203–244.
- Борзунов В. А. 1995. Укрепленные жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа: Тез. докл. Екатеринбург: УрГУ. С. 19–24.
- Борзунов В. А. 1997. К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: ТГУСУР. С. 224–236.
- Борзунов В. А. 1998. Поселения с бастионно-башенной оборонной архитектурой Зауралья и Западной Сибири начала эпохи железа // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Томск: ТГУ. С. 91–96.
- Борзунов В. А. 1999. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. № 4. М.: Наука. С. 5–23.
- Борзунов В. А. 2000. Крепости в тайге // Наука и жизнь. № 6. М. С. 84.
- Борзунов В. А. 2002. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. № 3. М.: Наука. С. 79–97.
- Борзунов В. А. 2004. Раскопки на Барсовой Горе // АО-2003. М.: Наука. С. 378–380.
- Борзунов В. А., Бельтикова Г. В. 1989. Раскопки городищ Барсов Городок I/3 и I/20 // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР. С. 136–139.
- Борзунов В. А., Викторова В. Д., Корякова Л. Н. 1998. Железный век (железа эпоха) // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: УрО РАН. С. 199–201.
- Борзунов В. А., Зыков А. П. 2002. Кулайский Барсовский III могильник // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск. С. 166–167.
- Борзунов В. А., Зыков А. П. 2003. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс. С. 103–112.
- Борзунов В. А., Корочкова О. Н., Сергеев А. С., Бельтикова Г. В., Стефанов В. И., Погодин А. А. 2003. Аварийные раскопки древних селищ в окрестностях Сургута // АО-2002. М.: Наука. С. 331–334.
- Борзунов В. А., Стефанова Н. К. 2001. Кулайский «поселок из одного двора» на Барсовой Горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: СурГПИ. С. 96–106.
- Викторова В. Д. 1970. Этапы развития фигурноштампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 254–270.
- Викторова В. Д. 1999. Туманское I поселение, святилище, костыше // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 126–153.
- Викторова В. Д. 2000. Синдея, городище; синдейская культура // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: УрО РАН. С. 489.
- Глушкова Т. Н. 2002. Анализ тканей из Барсовского III могильника // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига. С. 46–48.
- Граков Б. Н. 1977. Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: МГУ. 232 с.
- Данченко Е. М. 1988. К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи раннего железа в лесном Прииртышье // Археология Западной Сибири (история, краеведение и музееведение Западной Сибири): Тез. докл. Омск: ОмГУ. С. 22–24.

Данченко Е. М. 1989. Памятники богочановского типа в лесном Прииртышье // Памятники истории и культуры Омской области. Вып. 2. Археология: Тез. докл. Омск: ОмГУ. С. 62–65.

Данченко Е. М. 1991. Ранний железный век южнотаежного Прииртышья: Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 21 с.

Данченко Е. М. 1996. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: ОмГПУ. 212 с.

Елькина М. В. 1977. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири (ВАУ. Вып. 14). Свердловск: УрГУ. С. 104–118.

Зах В. А., Зими́на О. Ю. 1999. Городище Карагай-Аул 1 в Нижнем Притоболье // ВААЭ. Вып. 2. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 151–156.

Зах В. А., Зими́на О. Ю. 2001. Памятники Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков (Юртоборовский микрорайон) // ВААЭ. Вып. 3. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 138–149.

Зах В. А., Зими́на О. Ю. 2004. Об ареале иткульской культуры // ПВЧПС. Вып. 5. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 103–106.

Зими́на О. Ю. 2002. Место городища Вак-Кур-2 среди памятников переходного времени и раннего железного века Нижнего Притоболья // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 62–71.

Зими́на О. Ю. 2003. Керамические комплексы городища Карагай-Аул 1 в Нижнем Притоболье // ПВЧПС. Вып. 4. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 49–53.

Зими́на О. Ю. 2003а. К вопросу о хозяйственной деятельности населения Нижнего Притоболья на рубеже бронзового — железного веков // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 116–119.

Зими́на О. Ю. 2004. Исследование городища Карагай-Аул 1 в Нижнем Притоболье // ВААЭ. Вып. 5. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 38–50.

Зими́на О. Ю. 2004а. Исследование памятников переходного времени от бронзы к железу в Нижнем Притоболье в 2001–2003 гг. // ВААЭ. Вып. 5. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 201–203.

Зиняков Н. М. 1997. Железообрабатывающее производство Томского Приобья эпохи раннего железа // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: ТГУСУР. С. 150–154.

Зыков А. П., Федорова Н. В. 1993. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа //

Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. XII УАС: Тез. докл. Екатеринбург: УрГУ. С. 65–67.

Зыков А. П., Федорова Н. В. 2001. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: «Сократ». 176 с.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. 1988. Ч. 2: Передняя Азия. Египет / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: Наука. 623 с.

История Европы. 1988. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука. 704 с.

Кирюшин Ю. Ф. 1973. К вопросу о происхождении культуры раннего железа в Нарымском Приобье // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: ТГУ. С. 211–214.

Ковригин А. А. 2002. Об одном керамическом сосуде с Барсовой Горы (о характере связей населения таежной и лесостепной зон Западной Сибири) // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск. С. 57–58.

Корякова Л. Н. 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ. 239 с.

Косарев М. Ф. 1971. Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии (II и I тысячелетий до н. э.) // СА. № 2. М.: Наука. С. 39–50.

Косарев М. Ф. 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.

Косарев М. Ф. 1976. Географическая среда и неравномерность социально-исторического развития разных районов Западной Сибири // ВАП. Вып. 1. Тюмень: ТюмГУ. С. 3–20.

Косарев М. Ф. 1991. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука. 302 с.

Косарев М. Ф. 1993. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф, № 4. М. 284 с.

Косинская Л. А. 2000. Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990–1998 годов) // НВ. Вып. 3. Салехард. С. 13–23.

Кузьмина А. С. 2005. Отчет о научно-исследовательской работе по раскопкам западной части памятника археологии Сырой Аган 13 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области в 2004 году. Екатеринбург (Архив ИИА УрО РАН).

Кузьминых С. В. 1993. Квазиолитические культуры Северной Евразии: проблема периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общ-

ности Большого Урала. XII УАС: Тез. докл. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, УрГУ. С. 116–119.

Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П. 1998. Об источниках цветного металла в древних культурах Сургутского Приобья // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Томск: ТГУ. С. 113–117.

Логвин В. Н., Калиева С. С. 2004. Раскопки селенца Кучиминское X в 1999–2000 гг. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее: Сб. науч. статей. Сургут: «Диорит». С. 259–276.

Львов Ю. А. 1979. Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 12–18.

Малоземова О. В., Морозов В. М. 1997. Разведочные раскопки 1991 года и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: ТГУ. С. 190–203.

Мартынов А. И. 1982. Археология СССР: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высшая школа. 271 с.

Матюшенко В. И. 1979. Естественно-географический и социально-экономический фактор миграции древнего населения Приобья и Прииртышья // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 42–45.

Могильников В. А. 1970. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 172–190.

Могильников В. А. 1978. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 84–92.

Могильников В. А. 1986. Взаимоотношение кулайской и саргатской культур // КСИА. Вып. 186. М.: ИА АН СССР. С. 25–29.

Могильников В. А. 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 163–235.

Могильников В. А. 1990. Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: ИА АН СССР. 48 с.

Монгайт А. Л. 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука. 408 с.

Морозов В. М. 1993. К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ РАН. С. 102–109.

Морозов В. М. 1996. Новое в изучении усть-полуйской культуры // XIII УАС: Тез. докл. Ч. 2. Уфа. С. 40–41.

Морозов В. М. 2002. Нижнее Приобье в эпоху железа (о перегребнинском типе памятников) // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск. С. 63–64.

Морозов В. М. 2003. Охранные раскопки в Сургутском районе: исследование археологического комплекса на р. Глухой // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ. С. 250–252.

Морозов В. М., Чемякин Ю. П. 1991. Культуры Нижнего Приобья эпохи железа и их связи с Европейским Северо-Востоком // Проблемы историко-культурной среды Арктики: Тез. докл. Междунар. симпозиума. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР. С. 100–102.

Морозов В. М., Чемякин Ю. П. 1997. Древнее поселение в бассейне р. Пим (краткий археологический очерк). Сургут: СурГУ. 73 с.

Мошинская В. И. 1953. Городище и курганы Подчеша (К вопросу о потчеванской культуре) // МИА. № 35. М.: ИА АН СССР. С. 189–220.

Мошинская В. И. 1953а. Керамика усть-полуйской культуры // МИА. № 35. М.: ИА АН СССР. С. 107–120.

Мошинская В. И. 1953б. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. № 35. М.: ИА АН СССР. С. 72–106.

Мошинская В. И. 1965. Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ. Вып. ДЗ-8. М.: ИА АН СССР. 88 с.

Мошинская В. И. 1978. Современное состояние вопроса о роли южного компонента в древней культуре населения Крайнего Севера и Западной Сибири // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск. С. 56–72.

Мурыгин А. М. 1985. Поселения бичевницкого типа на Печоре и Вычегде и их место в истории северо-уральского населения // Археологические памятники Северного Приуралья (МАЕСВ. Вып. 9). Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР. С. 81–97.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. 1994. Т. I: Поселения и жилища. Кн. 1. Томск: ТГУ. 490 с.

Патканов С. К. 1891. Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по их былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. III, IV. СПб.

Патканов С. К. 1891а. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб. 74 с.

Плетнева Л. М. 1973. Томское Приобье в конце I тыс. до н.э. — начале н.э. // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск. С. 198–199.

- Плетнева Л. М. 1977. Томское Приобье в конце VIII — III вв. до н.э. Томск. 142 с.
- Плетнева Л. М. 1978. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 51—58.
- Погодин Л. И. 1998. Исследования в урочище «Батаково» в 1997 г. // Новое в археологии Прииртышья. Омск: ОмГУ. С. 52—85.
- Погодин Л. И. 1999. Исследования на территории национального парка «Батаково» в Среднем Прииртышье // АО-1997. М.: Наука. С. 299—301.
- Полосьмак Н. В. 1985. К вопросу о выделении новочекинской культуры // Урало-алтаистика. (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск: Наука.
- Полосьмак Н. В. 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука. 144 с.
- Расторопов А. В. 1987. Исследования на Средней Конде // АО-1985. М.: Наука. С. 278.
- Расторопов А. В. 1993. Этнокультурная интерпретация археологических памятников лесного и лесостепного Зауралья // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: УИФ «Наука». С. 144—153.
- Расторопов А. В., Арапов В. А. 1983. Археологические разведки в Кондинском районе Тюменской области в 1983 г. Ч. 1, 2. Тобольск. (Архив ИА РАН. Р-1. № 10374, 10374а).
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР: В 20 т. 1992. М.: Наука. 494 с.
- Стефанов В. И. 2001. Отчет о полевых исследованиях 2000 г. в бассейне р. Казым в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Т. II: Отчет о раскопках могильников Товкуртлор 3 и 4 на западном побережье озера Тавикуртлор. Екатеринбург (АКА УрГУ. Ф. II. Д. 621).
- Стефанова Н. К. 1980. Отчет об археологических исследованиях в Кондинском районе Тюменской области в 1980 г. Свердловск (Архив ИА РАН. Р-1. № 8040).
- Стефанова Н. К., Борзунов В. А. 2002. Археология таежного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). Екатеринбург: Академкнига. 136 с.
- Стоянов В. Е. 1989. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука. С. 98—103.
- Троицкая Т. Н. 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука. 124 с.
- Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. 1980. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука. 184 с.
- Труфанов А. Я. 1987. Закрытые комплексы городища Ямсыса VII // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. обл. науч. конф. «Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье». Омск: ОмГУ. С. 127—130.
- Усть-Полуй: I век до н. э. Каталог выставки. 2003. Салехард: СПб. 76 с.
- Федорова Н. В. 1995. Новые исследования на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй // АО-1994. М.: Наука. С. 309—310.
- Федорова Н. В. 2000. Семь лет Ямальской археологической экспедиции: итоги прошлого и задачи на будущее // НВ. Вып. 3. Салехард. С. 4—12.
- Федорова Н. В. 2000а. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН. С. 54—66.
- Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Свердловск: УрГУ. С. 126—145.
- Чемякин Ю. П. 1979. Городища Барсов Городок I/11 и I/12 — памятники раннего железного века Сургутского Приобья // ВАП. Вып. 2. Тюмень: ТюмГУ. С. 131—144.
- Чемякин Ю. П. 1989. Сургутское Приобье в эпохи бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: Наука. С. 60—74.
- Чемякин Ю. П. 1989а. Сургутское Приобье во II — I тысячелетия до н. э. // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 1. М.: Наука. С. 137—140.
- Чемякин Ю. П. 1993. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. XII УАС: Тез. докл. Екатеринбург: УрГУ. С. 218—219.
- Чемякин Ю. П. 1994. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников): Автореф. дис... канд. ист. наук. Ижевск: УдмГУ. 21 с.
- Чемякин Ю. П. 1994а. Поселения и постройки раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I: Поселения и жилища. Кн. 1. Томск: ТГУ. С. 275—296.
- Чемякин Ю. П. 1995. Еще раз об усть-полуйской культуре // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 201—203.
- Чемякин Ю. П. 1997. Кулайское поселение на Средней Оби // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: ТГУСУР. С. 179—189.

Чемякин Ю. П. 2004. Начало раннего железного века таежного Обь-Иртышья: история исследований и современное состояние вопроса // VI исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы Всерос. науч. конф. (Омск, ноябрь 2004). Омск: ОмГУ. С. 243–247.

Чемякин Ю. П. 2005. Кулайский этап раннего железного века таежного Обь-Иртышья: из истории исследований // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск: ТГУ. С. 50–53.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. 1999. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). Екатеринбург: «Тезис». С. 7–66.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). 2-е изд. Екатеринбург: «Тезис». С. 5–74.

Чемякин Ю. П., Коротаев В. П. 1976. Многослойное городище Барсов Городок I/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье) // ВАП. Тюмень: ТюмГУ. С. 49–62.

Чернецов В. Н. 1941. Опыт этногенеза обских угров // КСИИМК. Вып. IX. М.: АН СССР. С. 18–28.

Чернецов В. Н. 1946. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н.э. // КСИИМК. Вып. XIII. М.: АН СССР. С. 153–156.

Чернецов В. Н. 1953. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. М.: АН СССР. С. 8–71.

Чернецов В. Н. 1953а. Бронза усть-полуйского времени // МИА. № 35. М.: АН СССР. С. 121–178.

Чернецов В. Н. 1953б. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. № 35. М.: АН СССР. С. 221–241.

Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. № 58. М.: АН СССР. С. 136–245.

Чернецов В. Н., Мошинская В. И. 1951. Городище Большой Лог // КСИИМК. Вып. XXXVII. М.: АН СССР. С. 78–87.

Чернецов В. Н., Мошинская В. И. 1954. В поисках древней родины угорских народов // По следам древ-

них культур. От Волги до Тихого океана. М.: Госкультпросветиздат. С. 163–192.

Чиндина Л. А. 1982. Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья. Томск: ТГУ. С. 14–22.

Чиндина Л. А. 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: ТГУ. 256 с.

Чиндина Л. А. 1985. Проблемы культурно-хронологического определения усть-полуйских памятников // Урало-алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск: Наука. С. 38–43.

Чиндина Л. А. 1989. Этнокультурные процессы в Приобье в эпоху железа // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. I. М.: Наука. С. 131–133.

Ширин Ю. В. 2003. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк. 288 с.

Шорин А. Ф. 2005. Отчет о научно-исследовательской работе по раскопкам памятника археологии Сырой Аган 16 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области в 2004 году. Екатеринбург (Архив ИИА УрО РАН).

Шумайлов С. И. 1985. Отчет об археологических раскопках городищ Болчары 1/2 и Болчары 1/3 в Кондинском районе Ханты-Мансийского национального округа в 1985 г. Тобольск (Архив ИА РАН. Р-1. № 10869, 10869а).

Шумайлов С. И. 1986. Отчет об археологических раскопках городища Болчары в Кондинском районе Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области в 1986 г. Тобольск (Архив ИА РАН. Р-1. № 11455).

Шумайлов С. И. 1987. Отчет об археологических раскопках поселения Чеснок и городища Болчары 1/3 в Кондинском районе Ханты-Мансийского АО Тюменской области в 1987 г. Тобольск (Архив ИА РАН. Р-1. № 11911).

Шумайлов С. И. 1987а. Раскопки группы памятников Болчары // АО-1985. М.: Наука. С. 295–296.

Шумайлов С. И. 1988. Отчет об археологических раскопках городища Денисово 1 и поселения Денисово 2 в Кондинском районе в 1988 г. Тобольск (Архив ИА РАН. Р-1. № 13222).

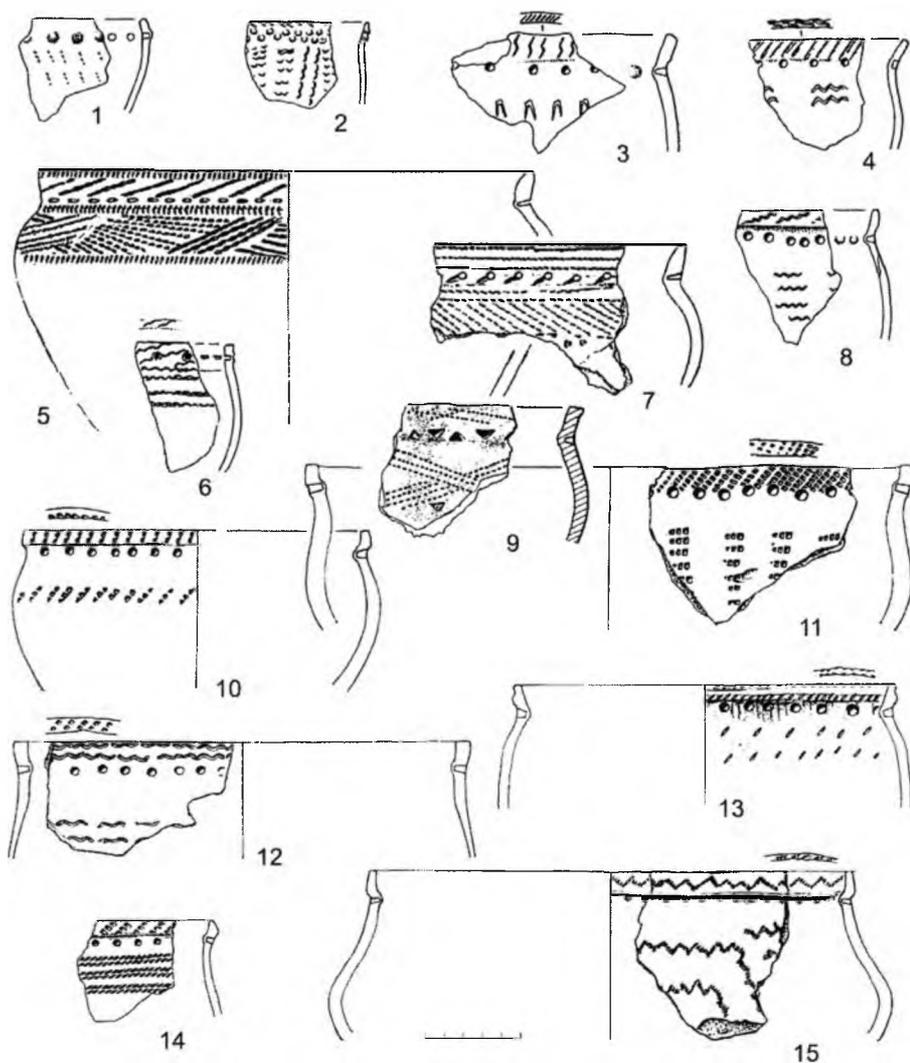

Рис. 1. Ранний железный век (РЖВ I).

Керамика кульминского (1–9) и перегребнинского (10–15) типов:
1–4, 8 — городище Ендырское I; 5–7 — поселение Сатыга XVIIa;
9 — местонахождение Атымья VII; 10–15 — поселение Перегребное VII

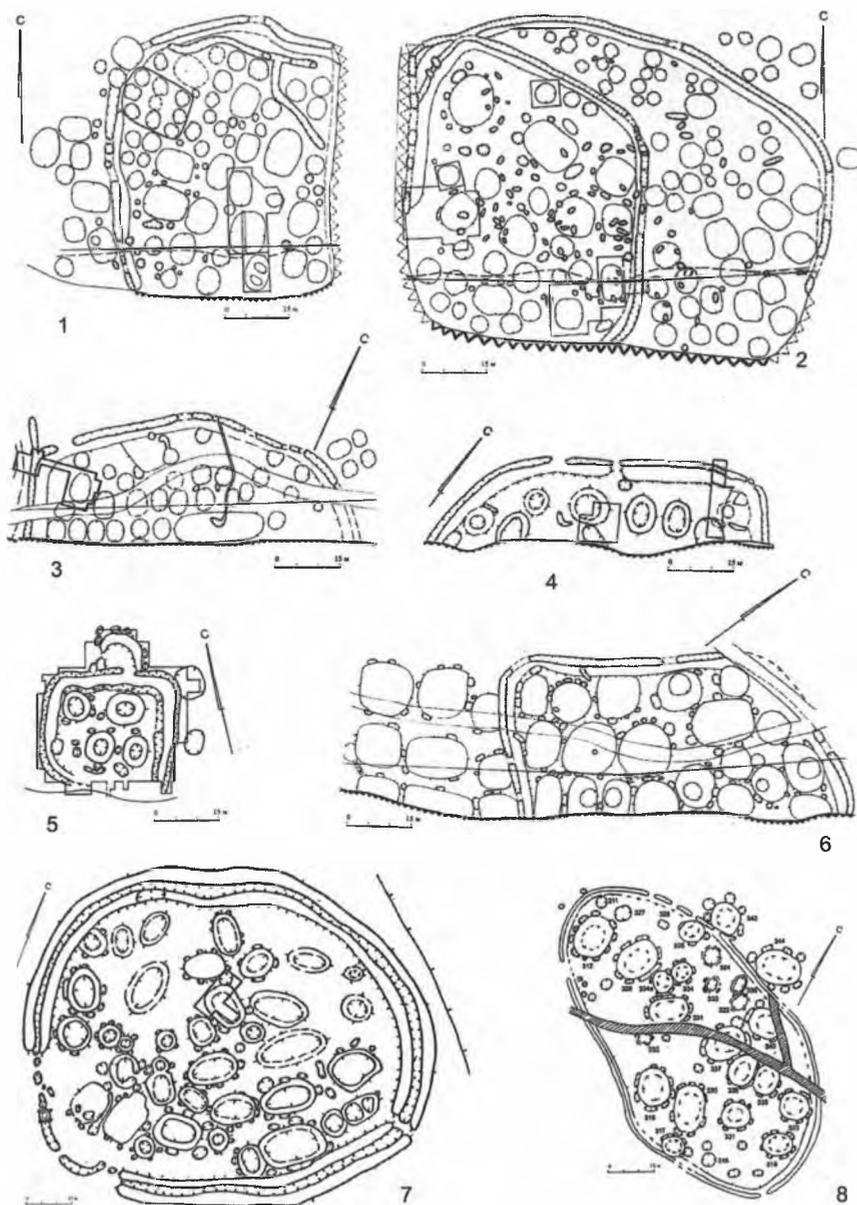

Рис. 2. Ранний железный век (РЖВ I). Белоярская культура.

Городища мысовые (1, 2), береговые (3–6) и лесные (7, 8):

- 1 — Барсов городок I/2; 2 — Барсов городок I/3, I/3а;
 3 — Барсов городок I/14; 4 — Барсов городок I/10; 5 — Барсов городок I/1;
 6 — Барсов городок I/18; 7 — Барсов городок I/7;
 8 — Барсов городок III/1

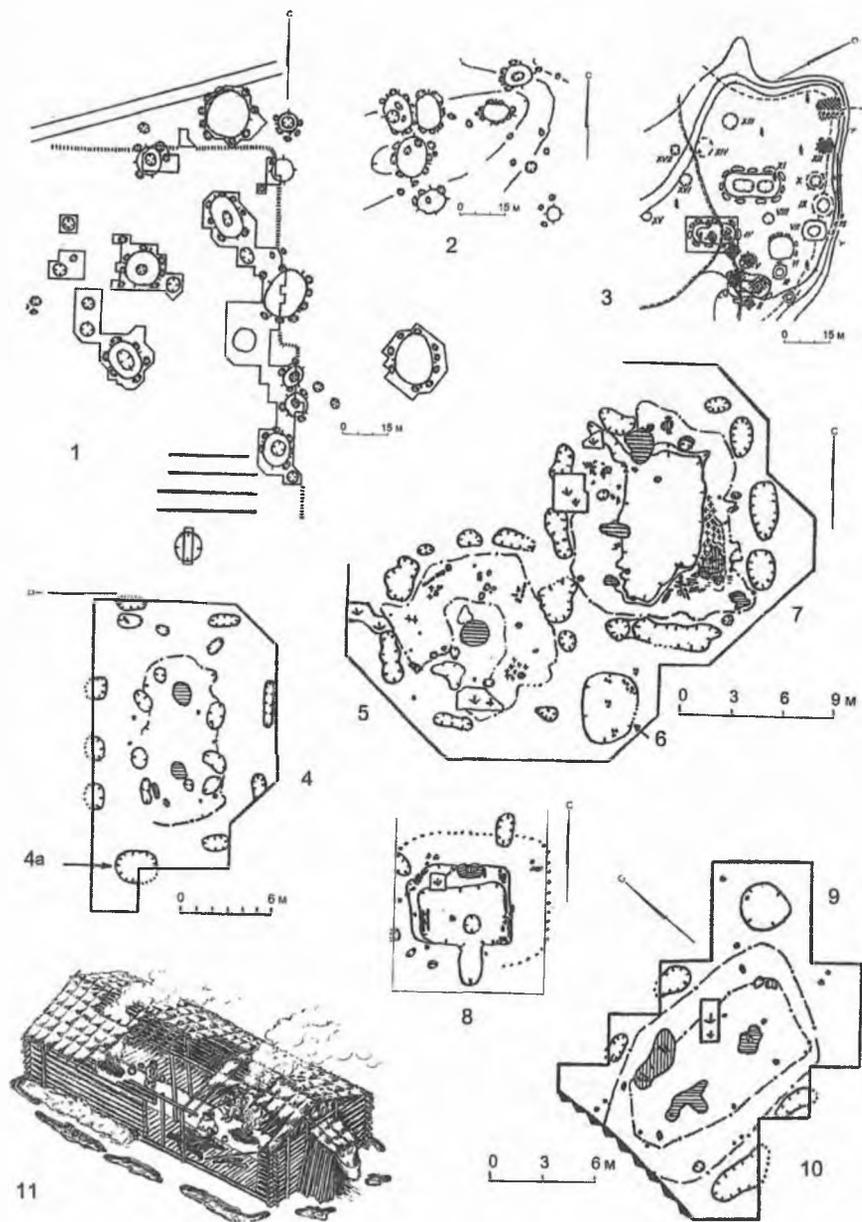

Рис. 3. Ранний железный век (РЖВ I). Белоярская культура.
 Селища (1–3) и постройки (4–11): 1 — Барсова гора I/40; 2 — Барсова гора I/23;
 3 — Вачим 7; 4, 4а — Барсова гора III/28 (объект 1675 и хозяйственная постройка?);
 5–7 — Барсова гора III/10 (жилища 3, 4, хозяйственная постройка 1);
 8 — Барсов городок I/3; 9, 10 — Барсова гора III/3 (хозяйственная постройка и объект 240);
 11 — Вачим 7 (объект IV — реконструкция В. М. Морозова, А. А. Ковригина)

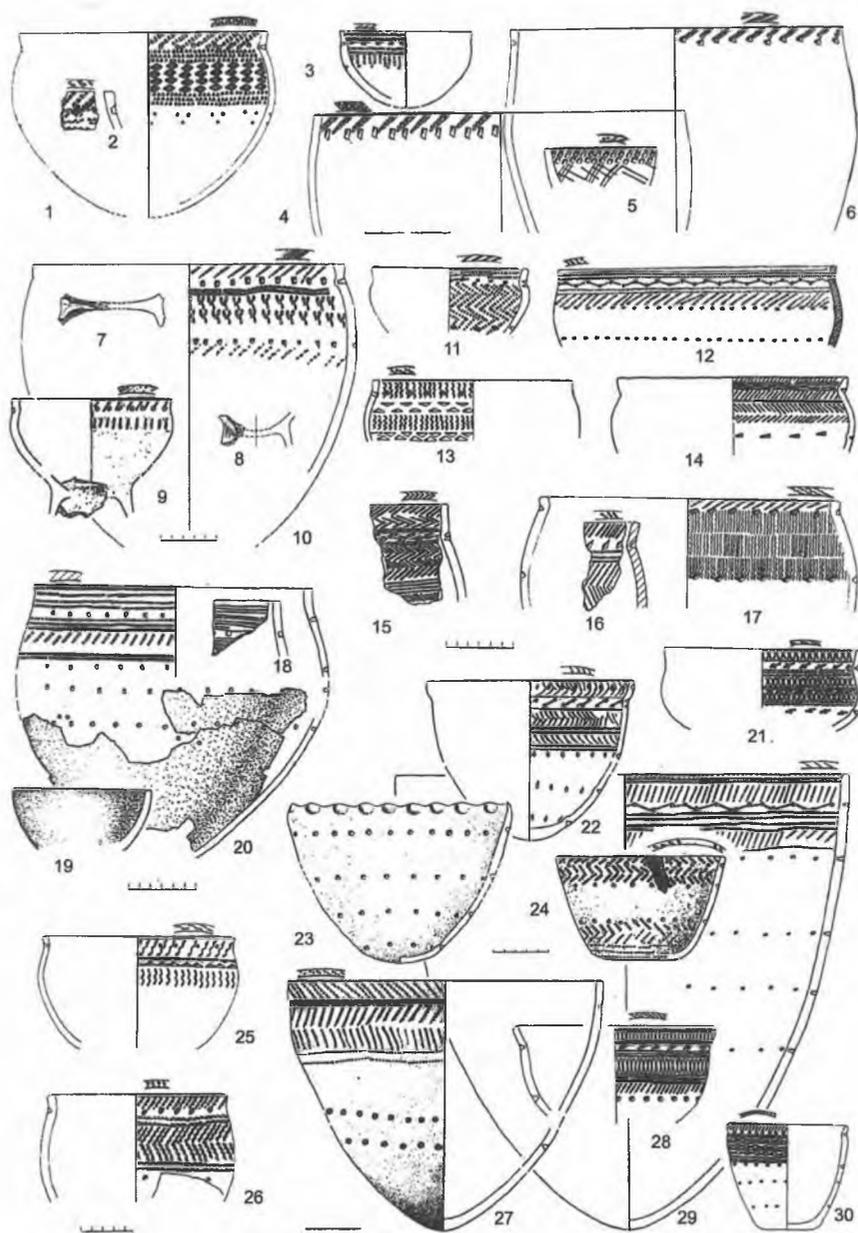

Рис. 4. Ранний железный век (РЖВ I). Белоярская культура.

Керамика: 1, 2, 4–6 — городище Барсов городок I/1;

3, 15, 21–24, 29 — селище Барсова гора I/40в;

7, 8, 11, 26 — селище Барсова гора III/49 (объект 161); 9 — Вачим 7;

10, 25 — городище Барсов городок I/18; 12 — селище Барсова гора I/11;

13, 14, 18–20 — селище Барсова гора I/14; 16 — селище Барсова гора III/15;

17 — селище Барсова гора III/2а; 27, 28, 30 — селище Барсова гора III/76

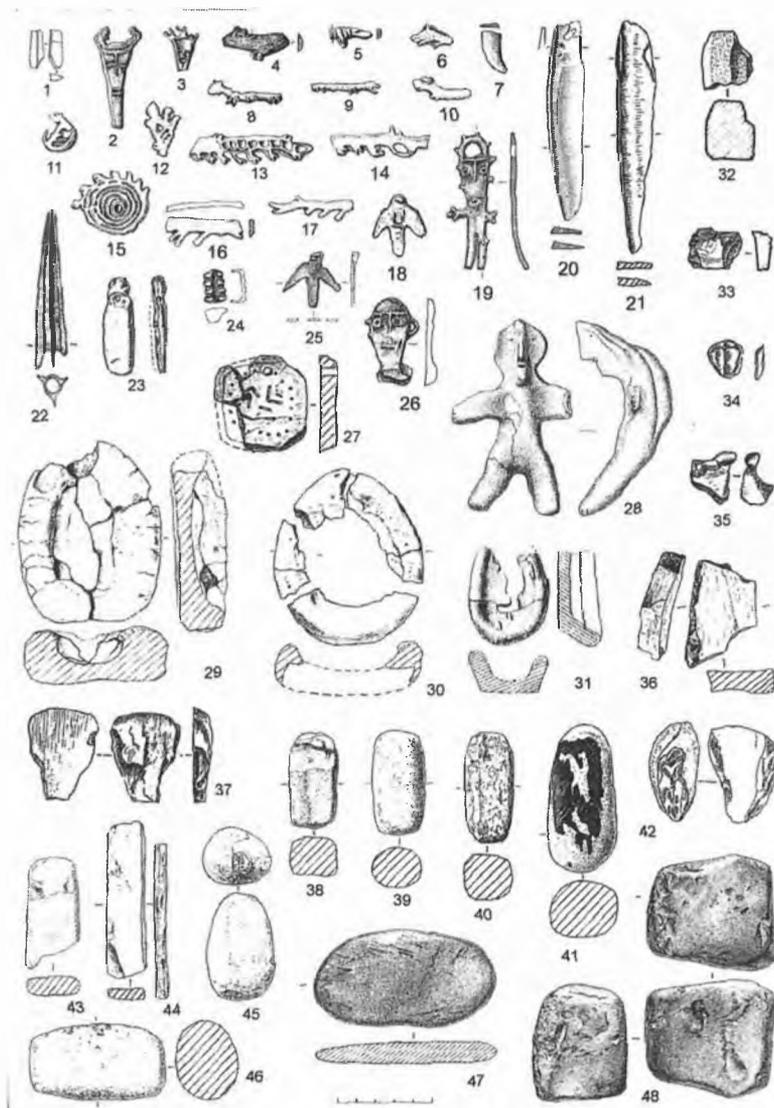

Рис. 5. Ранний железный век (РЖВ I). Белоярская культура.

- Вещи: 1 — селище Барсова гора I/21; 2 — селище Барсова гора III/19; 3, 4 — городище Барсов городок I/3; 5 — городище Барсов городок III/1; 6 — селище Барсова гора III/3 (объект 240); 7 — городище Барсов городок I/1; 8, 9, 24 — селище Барсова гора I/24; 10–15, 18, 29, 30 — селище Барсова гора III/49 (объект 161); 16 — селище Барсова гора III/22; 16, 27 — селище Барсова гора IV/10; 19 — случайная находка на селище Барсова гора IV/10; 20, 23 — селище Барсова гора I/11; 21, 34, 37 — селище Вачим 7; 22 — селище Барсова гора III/38; 25 — селище Барсова гора III/72; 26 — городище Барсов городок I/2; 28, 32, 33, 35, 36, 38–46 — селище Барсова гора I/40в; 47, 48 — селище Барсова гора III/76 (1, 32–34, 36–48 — камень; 2–22, 24–26 — медь, бронза; 27–31 — глина; 35 — глина, медь)

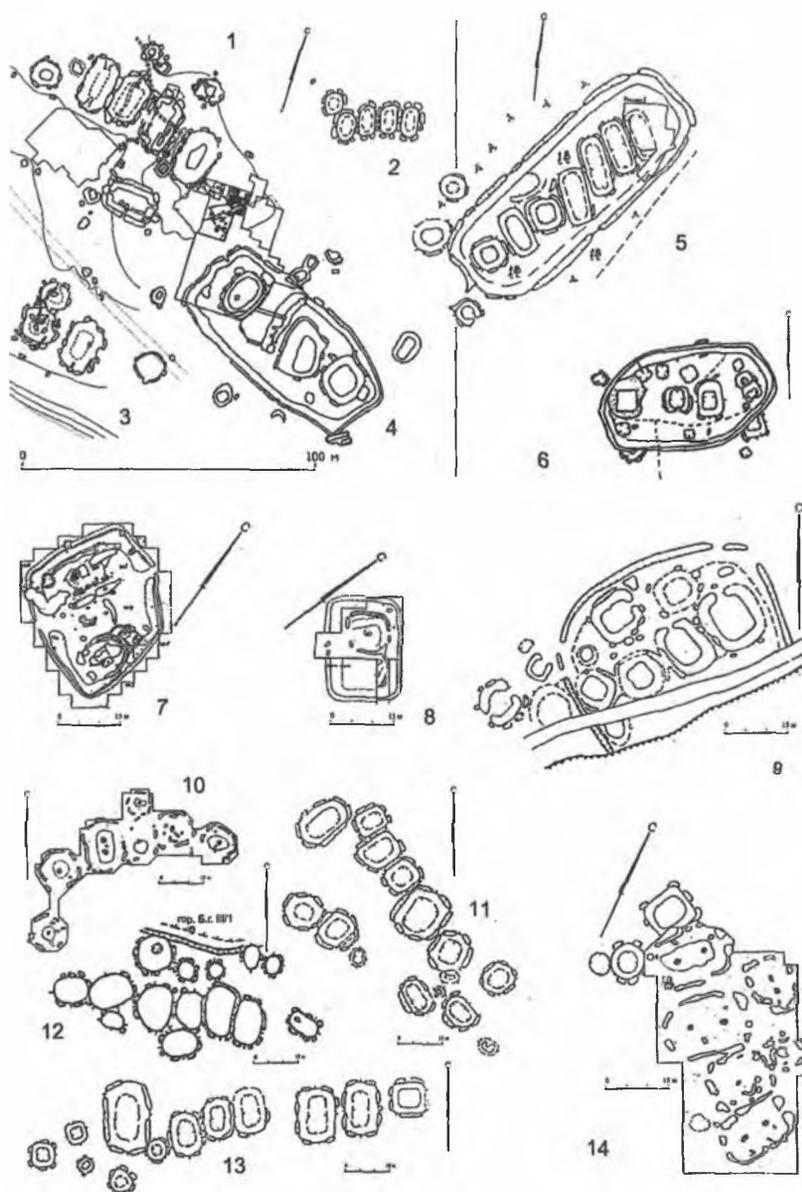

Рис. 6. Ранний железный век (РЖВ I). Калининская культура.
 Селища (1–3, 10–14) и городища (4–9): 1 — Кучиминское IV;
 2 — Кучиминское III; 3 — Кучиминское XXII; 4 — Кучиминское XIII;
 5 — Кучиминское XIX; 6 — Нум-то II; 7 — Барсов городок III/2;
 8 — Барсов городок III/4; 9 — Барсов городок I/13; 10 — Барсова гора I/43;
 11 — Кучиминское XVIII; 12 — Барсова гора III/24; 13 — Кучиминское XXIII;
 14 — Барсова гора III/7

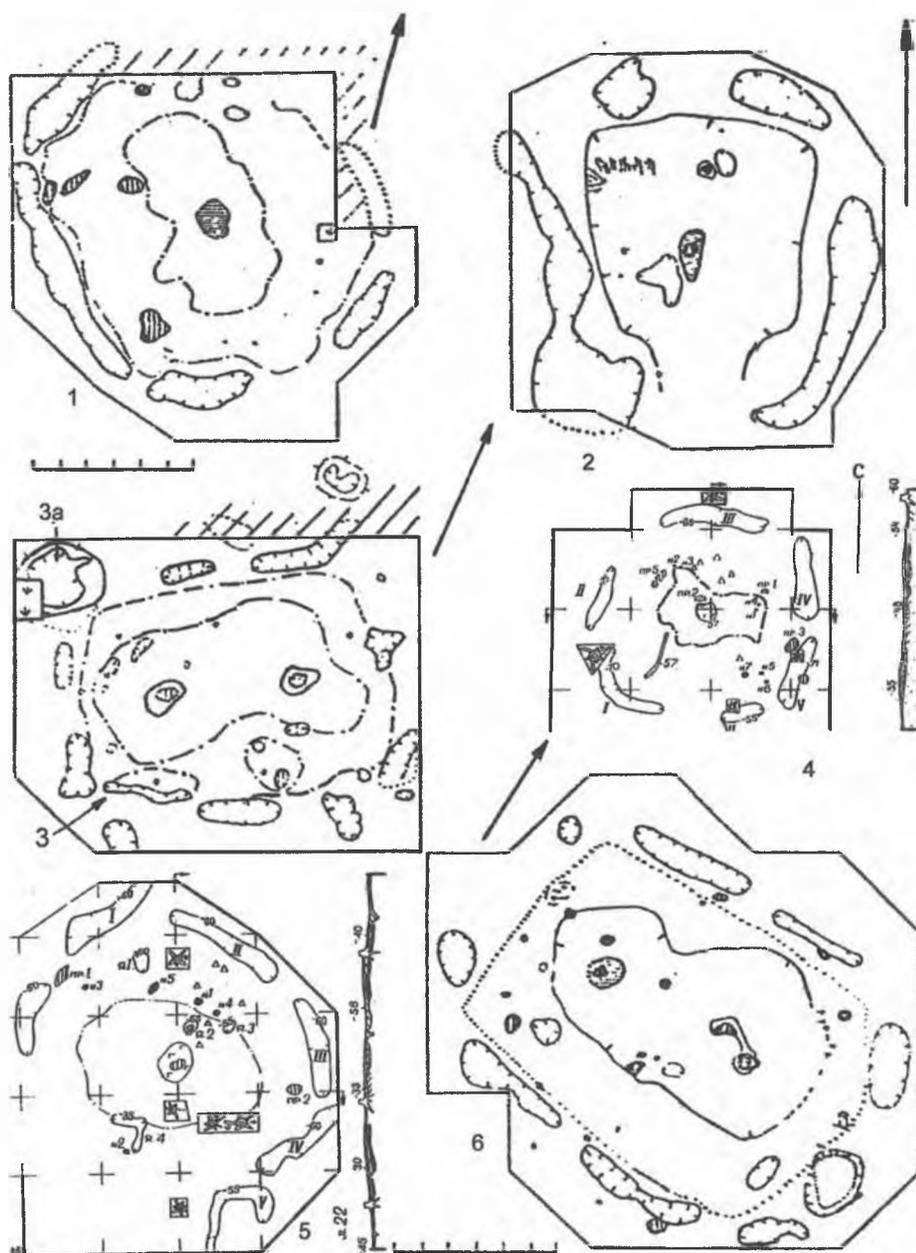

Рис. 7. Ранний железный век (РЖВ I). Калинкинская культура.
Планы построек: 1 — селище Барсова гора III/11;
2 — селище Кучиминское XXIII;
3, 6 — селище Барсова гора III/8 (объекты 271 и 267);
4, 5 — селище Барсова гора I/43 (жилища 5 и 6)

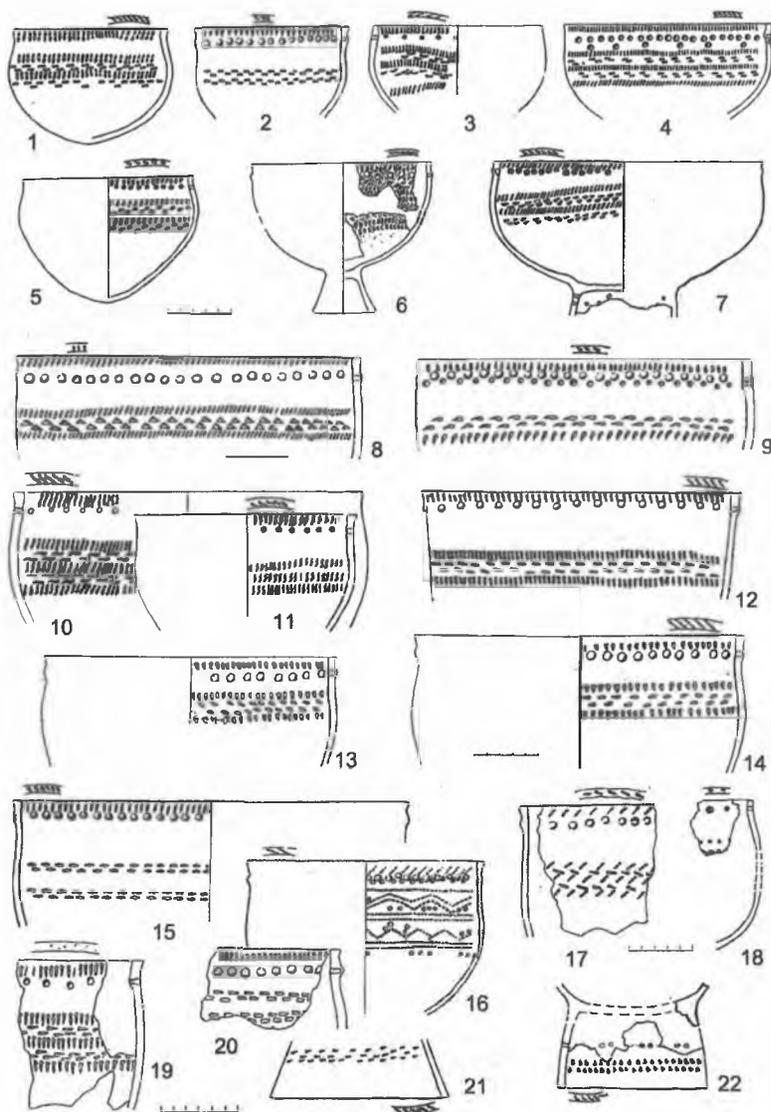

Рис. 8. Ранний железный век (РЖВ I). Калининская культура.
 Керамика: 1, 5, 6 — селище Барсова гора III/20; 3, 7, 11 — городище Кучиминское XIX;
 2, 4, 8, 9 — селище Барсова гора III/2; 13, 14 — городище Барсов городок III/4;
 19, 21 — городище Барсов городок III/13; 15, 16 — городище Барсов городок III/13;
 19, 20 — селище Кучиминское IV; 17, 18 — городище Нум-то II;
 22 — селище Барсова гора I/43

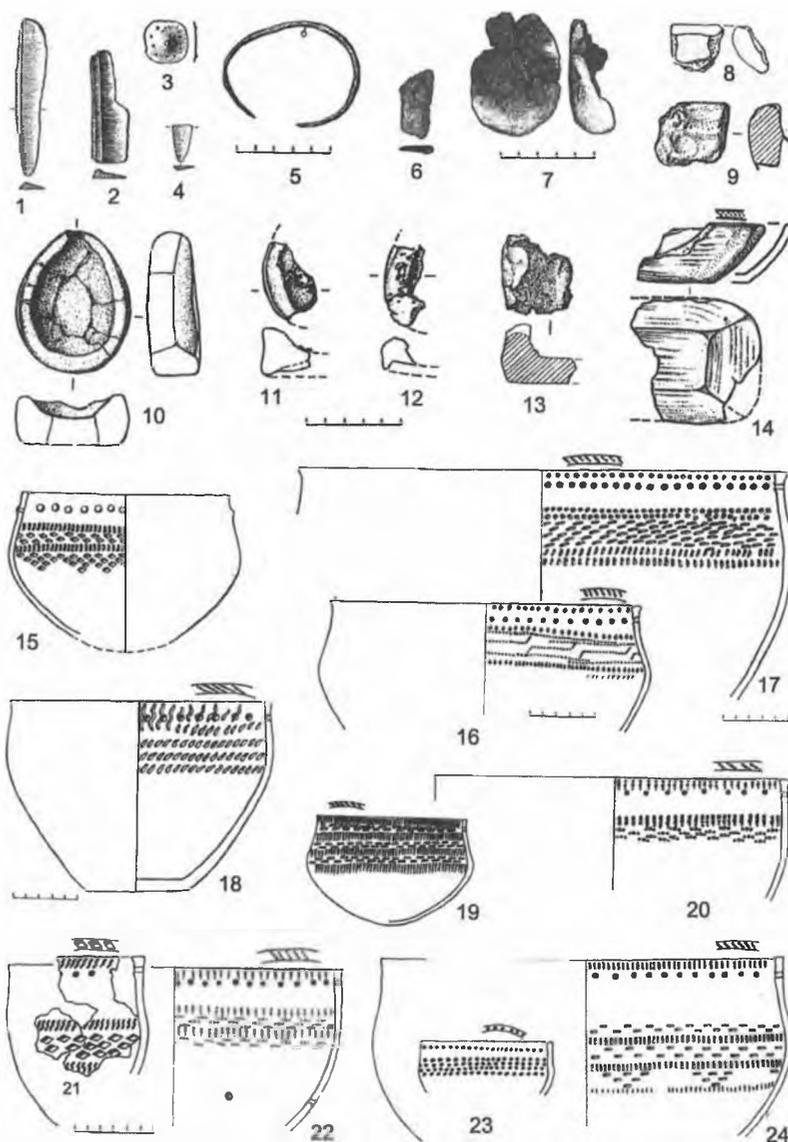

Рис. 9. Ранний железный век (РЖВ I). Калининская культура.
 Вещи и керамика: 1, 3 — селище Барсова гора III/7; 2 — городище Барсова городок I/28;
 4 — селище Барсова гора III/13; 5, 10–12, 15, 20–24 — селище Барсова гора I/43;
 6, 7 — городище Нум-то II; 8 — селище Кучиминское IV;
 9, 13, 14 — городище Барсов городок I/13; 16–18 — городище Барсов городок I/9;
 19 — селище Барсова гора III/20 (1–5 — медь, бронза; 6 — железо; 7–24 — глина)

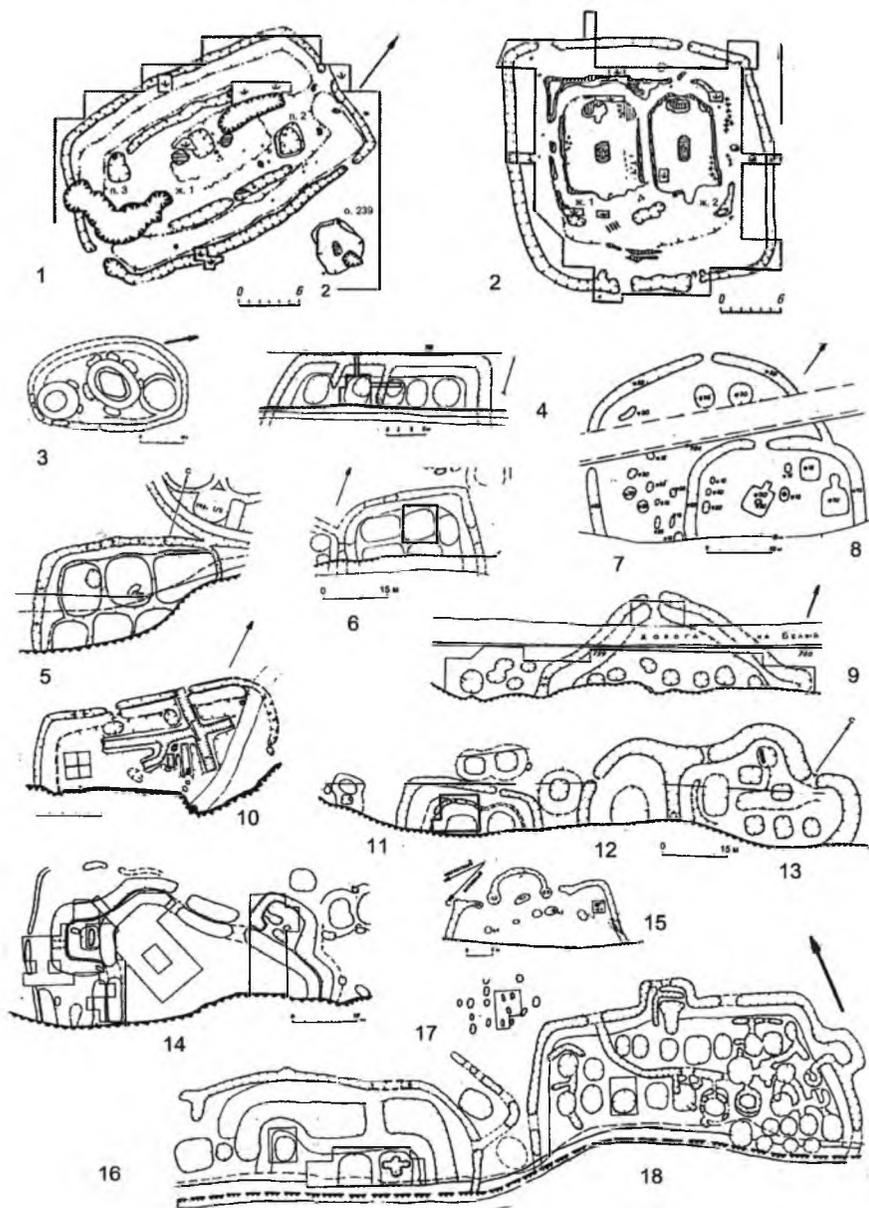

Рис. 10. Ранний железный век (РЖВ II). Кулайская культура.
 Городища лесные (1–3) и береговые (4–18): 1 — городище (укрепленное жилище) Барсов городок III/3;
 2 — Барсов городок III/6; 3 — Барсов городок III/5; 4 — Барсов городок I/8;
 5 — Барсов городок I/30; 6 — Барсов городок I/12; 7, 8 — Барсов городок I/26, I/26а;
 9 — Барсов городок I/22; 10 — Барсов городок I/7; 11 — Барсов городок I/15;
 12 — Барсов городок I/26; 13 — Барсов городок I/17; 14 — Барсов городок I/20;
 15 — Кучиминское II; 16 — Барсов городок I/4; 17 — Барсов городок I/4 а;
 18 — Барсов городок I/5

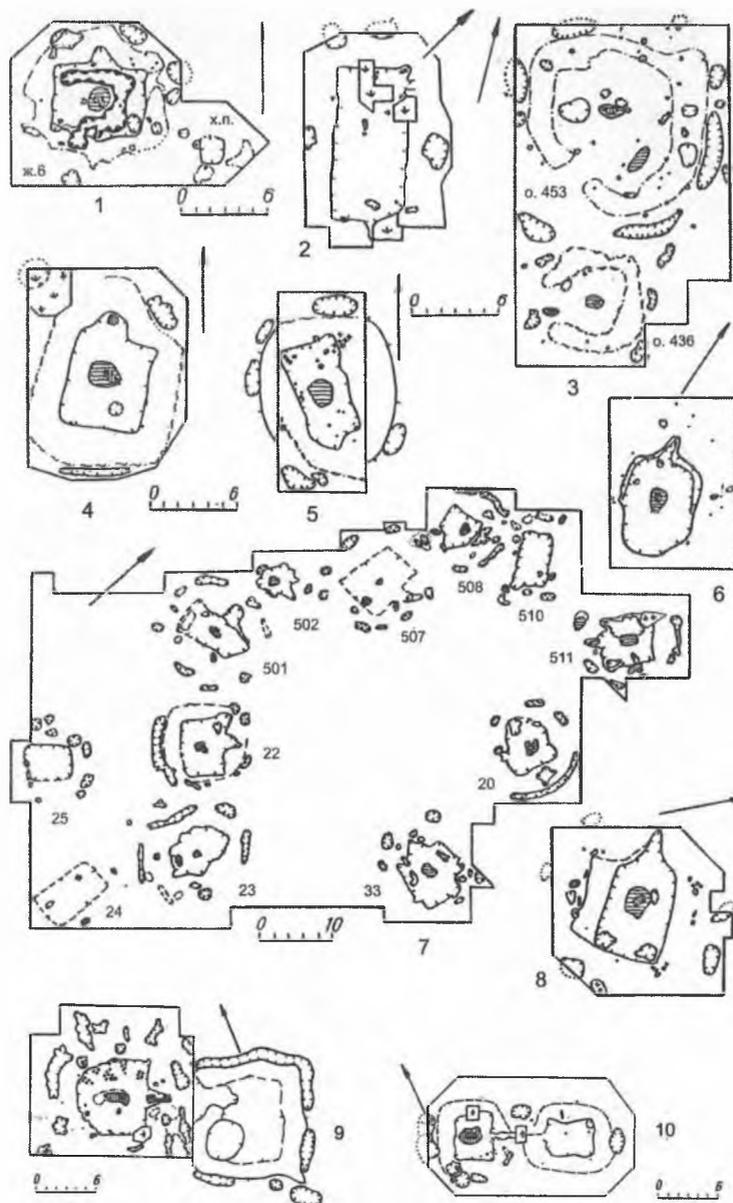

Рис. 11. Ранний железный век (РЖВ II). Кулайская культура.

- Постройки: 1 — селище Барсова гора III/10, жилище 6 и хозяйственная постройка;
2 — селище Барсова гора III/17, объект 52; 3 — селище Барсова гора III/4, объекты 453 и 436;
4 — селище Кучиминское XIII, жилище 4; 5 — селище Барсова гора IV/3, жилище 1;
6 — селище Барсова гора III/3, объект 241; 7 — селище Барсова гора III/2;
8 — селище Барсова гора III/16, объект 50; 9 — селище Остяцкий Живец IV, жилище 2 и постройка 4;
10 — селище Кучиминское IX, жилища 1 и 2

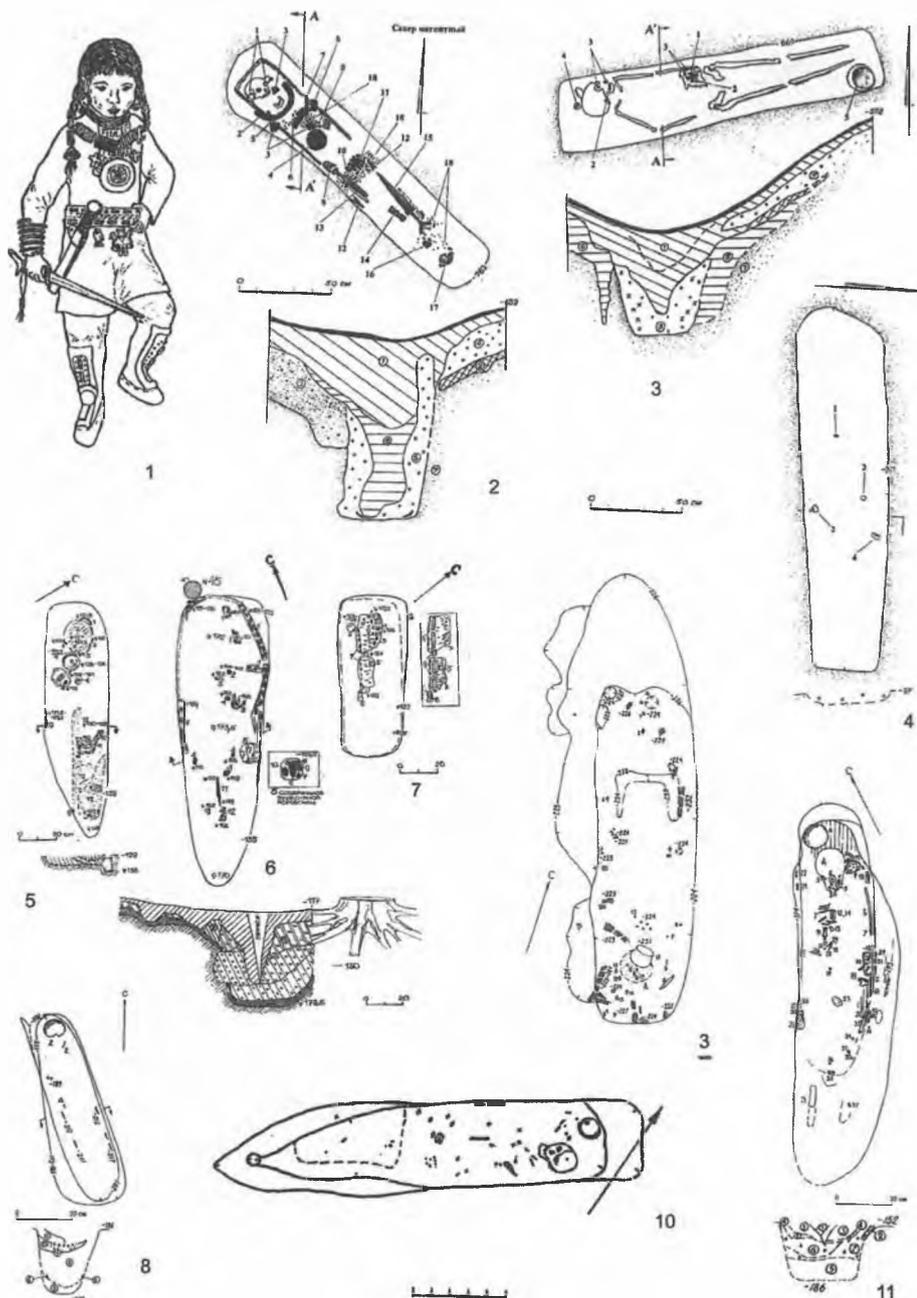

Рис. 12. Ранний железный век (РЖВ II). Кулайская культура.

Барсовский III (1–4) и Барсовский VII (5–11) могильники:

- 1 — мальчик из погребения 1 Барсовского III могильника; 2 — погребение 1; 3 — погребение 2;
 4 — погребение 3; 5 — погребение 1; 6 — погребение 3; 7 — погребение 4; 8 — погребение 7;
 9 — погребение 2; 10 — погребение 8; 11 — погребение 6

Рис. 13. Ранний железный век (РЖВ II). Кулайская культура.
 Керамика с поселений: 1–6 — селище Барсова гора I/22 в; 7–10 — селище Барсова гора III/10;
 11 — селище Остязкий Живец IV; 12–15, 28 — городище Барсов городок III/6;
 16 — городище Барсов городок I/7; 17–20 — селище Барсова гора I/21;
 22–24, 27 — селище Барсова гора IV/13; 25, 26, 30–32 — городище Барсов городок I/5;
 29 — селище Барсова гора III/10

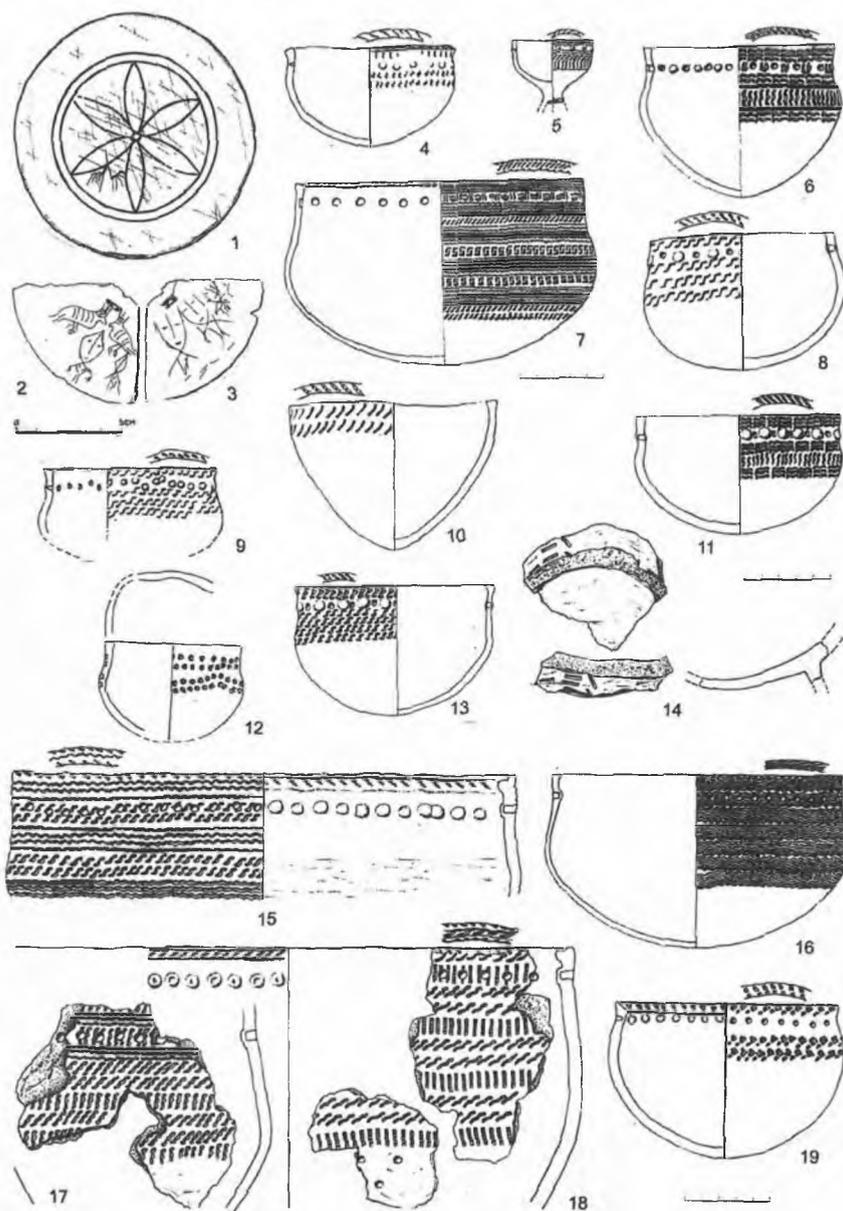

Рис. 14. Ранний железный век (РЖВ II). Кулайская культура.

Вещи и керамика из Барсовского III (1–3, 9, 15–19) и Барсовского VII (4–8, 10–14) могильников:

- 1–3 — погребение 1; 4, 12 — погребение 1; 5 — погребение 4; 6 — погребение 5;
 7 — между погребениями; 8 — погребение 6; 9 — погребение 3 (объект 223); 10 — погребение 7;
 13, 14 — погребение 9; 15, 17, 18 — участок М/10 (тризна?);
 16 — уровень древней поверхности у погребения 1;
 19 — погребение 2 (1–3 — медь, бронза; 4–19 — глина)

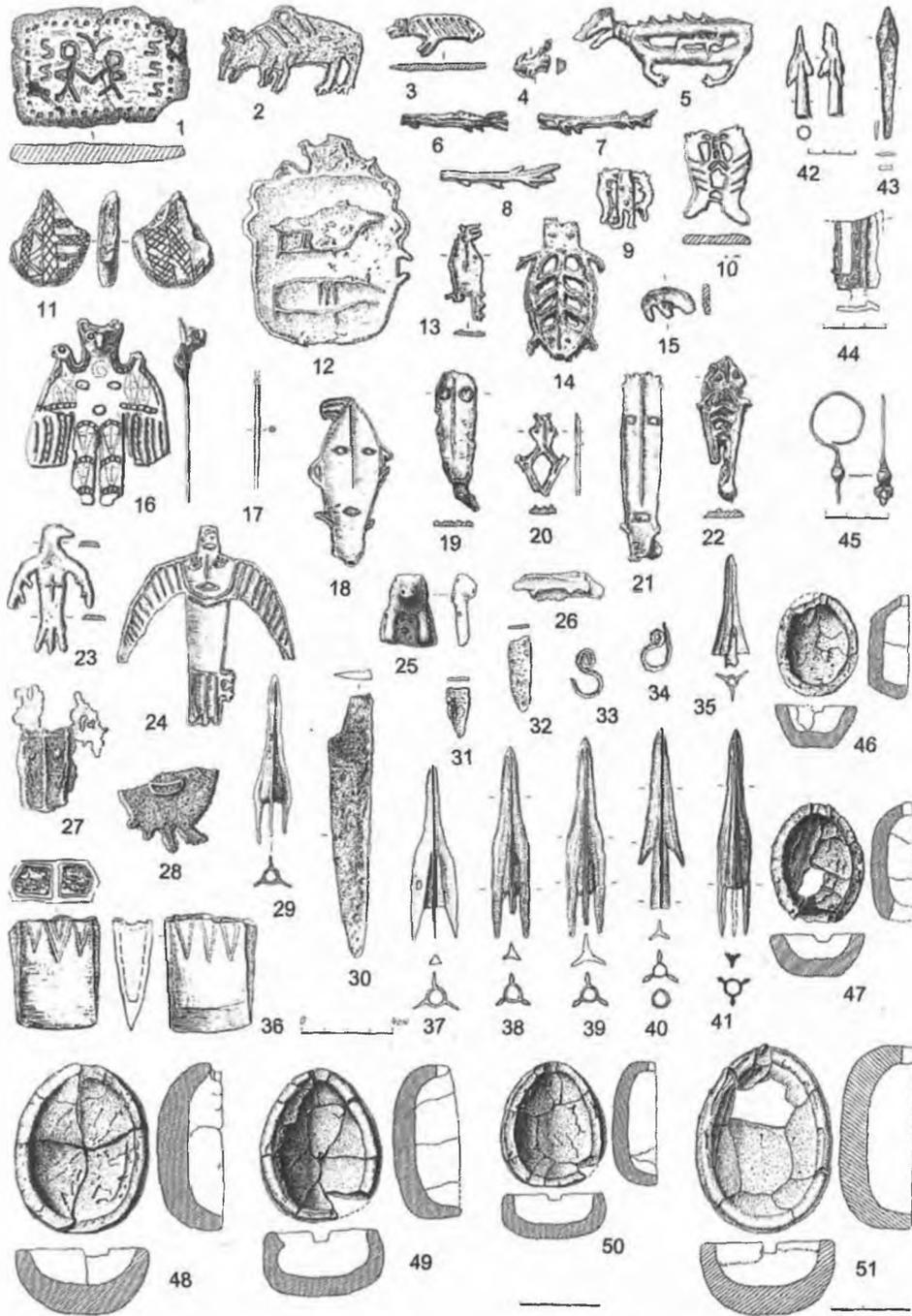

Рис. 15. Ранний железный век (РЖВ II). Кулайская культура.
 Кулайские и импортные вещи с поселений: 1, 46–51 — глина; 11 — камень;
 30–32, 43 — железо; 2–10, 12–29, 33–42, 44, 45 — медь, бронза

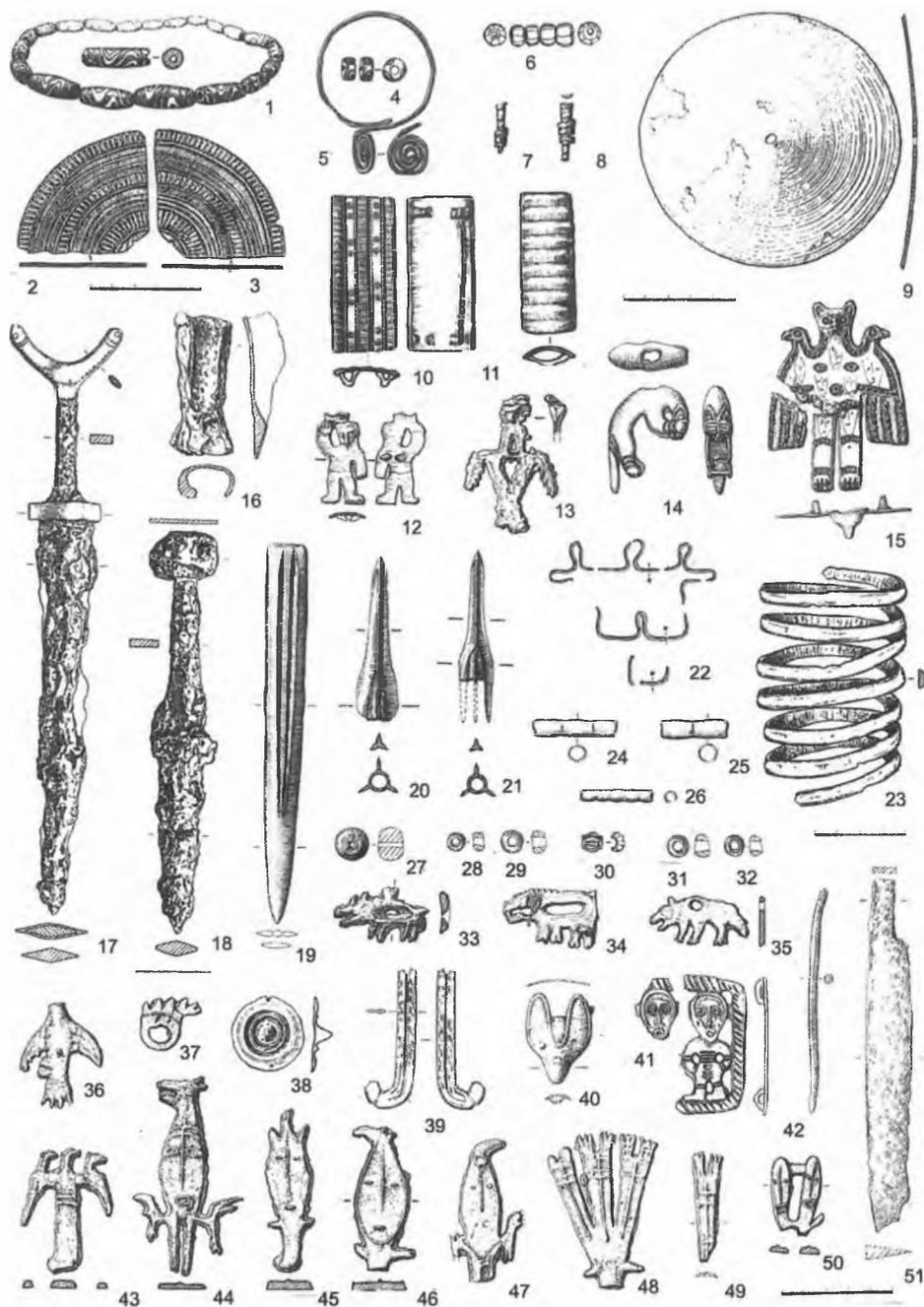

Рис. 16. Ранний железный век (РЖВ II). Кулайская культура.
 Кулайские и импортные вещи из Барсовского III (1–23) и Барсовского VII (24–51) могильников:
 1, 4, 27–32 — стекло, стеклянная паста; 5 — серебро; 6 — сердолик;
 7, 8 — дерево, медь (бронза); 9–15, 19–26, 33–50 — медь, бронза;
 16, 51 — железо; 17 — железо, бронза

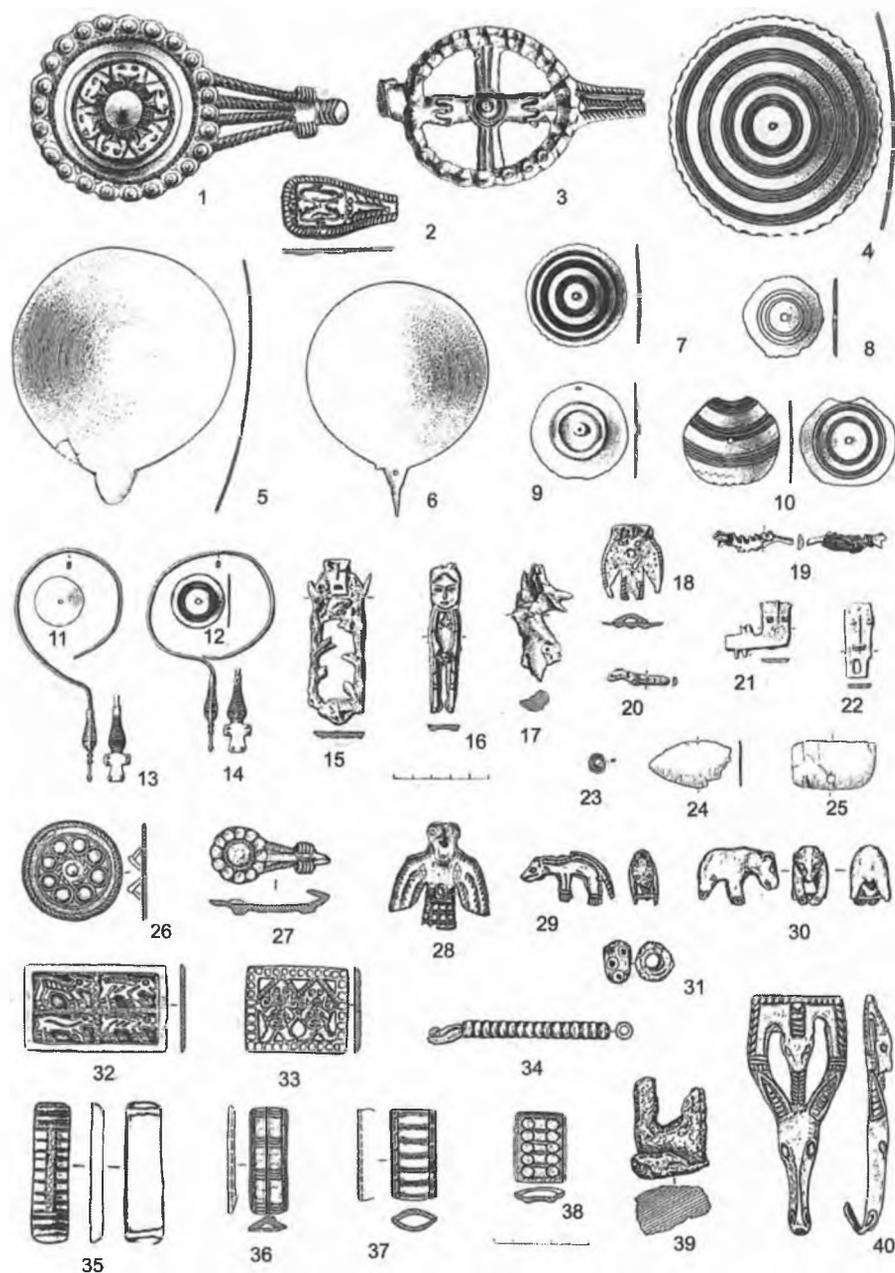

Рис. 17. Ранний железный век (РЖВ II). Кулайская культура.
 Кулайские и импортные вещи со святилища Барсов городок I/9 (1–15) и
 с культового места на городище Барсов городок I/20 (26–40):
 1–30, 32–38 — медь, бронза; 31 — стекло